

ВОЛШЕБНИЦЫ И ВЕДЬМЫ
МАРГО ГЕНЕР

ВАРВАРА

Наездница Метлы

Волшебницы и Ведьмы

Марго Генер

Варвара. Наездница метлы

«Автор»

2018

Генер М.

Варвара. Наездница метлы / М. Генер — «Автор»,
2018 — (Волшебницы и Ведьмы)

ISBN 978-5-532-99320-4

Это мир. Наш мир. С компьютерами, автомобилями и умными гаджетами. Кофеварки знают, сколько сахара добавить в чашку, смартфоны помнят распорядок дня и количество калорий, съеденных за обедом. Мир живет в бешеном потоке информации, в нем нет места средневековым сказкам о магии, волшебных метлах и ведьмах в остроконечных шляпах. Стоп. Или есть?

ISBN 978-5-532-99320-4

© Генер М., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	28
Глава 4	36
Глава 5	44
Глава 6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Марго Генер

Варвара. Наездница метлы

Посвящается бабушке, ее предкам и потомкам.

Пролог

Дверь с грохотом отворилась. На пороге из темноты возникла высокая фигура в длинной черной одежде. Острый конец шляпы уперся в потолок, с бортов текут ручьи, оставляя на полу небольшие лужи, и по щелям между досками стекают обратно на улицу.

В руке фигуры метла, длинной в полтора человеческих роста. Помело от воды распушилось, прутья торчат в стороны, словно усы рассерженной кошки. Женщина стряхнула капли с плеч и постучала черенком по краям шляпы. В стороны полетели капли, и летели до тех пор, пока шляпа не стала сухой.

Поставив метлу у стены к двум другим, женщина проговорил резко:

– Погода никудышная. Что за срочность? Предупреждаю, если вызвали из-за пустяка, в следующий раз не полечу. Даже если небо рухнет.

Ведьма закончила отряхивать одежду, и закрыла дверь – брызги от ливня попадают на помело, а оно и так натерпелось за полет сквозь грозу.

Потом сняла шляпу и положила на полку, где аккуратным рядком застыла шляпа с повисшим краем, по последнему слову моды. За ней притаилась шляпа вообще без бортов.

Женщина покривилась, в голубых глазах сверкнул лед, она обернулась в середину дома. На сухом, почти без морщин лице, застыл вопрос, а длинный, крючковатый нос шевельнулся, будто пытается уловить едва заметные запахи.

– Носить чародейские шляпы – моветон, – презрительно проговорила она и провела пальцами по седому пучку на макушке. – Не верится, что в наш нерушимый Круг пробралась эта зараза.

– Не причитай, – отозвалась упитанная старуха за столом. – Легче отбиться от пристававший Асмодея, чем тебе угодить. Вон, даже погода попортилась от твоего злобства.

– Я не злобная, а прямолинейная, – сообщила первая ведьма так, словно это очевидная истина. – В такую погоду, ни одна приличная карга не вылетит. Одни неприличные летают.

Она подошла к печке и подставила ладони к огню. От одежды повалил пар, ткань расправилась и заблестела, как настоящий атлас. Ведьма довольно вздохнула и лицо расплылось, как у кота, получившего миску сметаны.

– Хорошие поленья, – проговорила она, – долгоиграющие. Надо и мне таких.

– Надо, – согласилась вторая. – Только за ними через горы в Тулуарский лес слетать придется. А там яга.

Первая ведьма резко обернулась, глаза округлились.

– Сдурела ты, карга, такое на ночь говорить? Еще яги нам не хватало. И так ее рой через Долину летает.

Старуха за столом достала мундштук, в котором торчит короткая, но толстая самокрутка, и щелкнула пальцами. Самокрутка вспыхнула, кончик затлел, тихо потрескивая, словно что-то шепчет на лишь ему понятном языке.

Откинувшись на спинку стула, вторая ведьма приподняла края мундштука. Самокрутка моментально прогорела, пепел осыпался прямо на пол, но ведьма даже не посмотрела.

– Зачем зажигать, если не куришь? – фыркнула остроносая.

Ее платье окончательно высохло. Она подошла к столу и чинно опустилась на деревянный табурет.

Вторая ведьма покрутила сторовшую самокрутку перед носом. Левый глаз прищурился, всматриваясь в тлеющий огарок.

– Курить вредно, – произнесла она. – От этого кожа портится. Зато глянь, какая я загадочная. Прям как Дона Эльза на картине.

– Дона Эльза не курила, – произнесла остроносая карга и поправила выбившуюся из пучка седую прядь. – Так что за дело? Обратно по такой погоде не полечу. Дождь прекратится только утром, придется терпеть меня всю ночь.

– Да уж, счастье привалило, – хохотнула толстуха, ковыряя в зубе. – Но мы постараемся побыстрее.

Остроносая скривилась и произнесла едко:

– Премного благодарна.

Из темного угла шагнула третья ведьма, совсем молодая, с огненно-рыжими волосами и глазами цвета травы. В руках небольшой пузырящийся котел. По всем законам физики он должен оставлять ужасные ожоги на нежной коже, но ведьма держит чугунок и лишь улыбается.

Пройдя по скрипучему полу, рыжая поставила котел на середину стола, и все трое одновременно заглянули внутрь.

Прозрачная зеленоватая жидкость пенится, выплескивая на столешницу капли, похожие на изумруды. В середине что-то шипит и посвистывает.

Первая ведьма потянула носом и удивленно приподняла бровь.

– Ямайский перец? – поинтересовалась она.

Губы рыжей растянулись в кривой улыбке, она откинула непослушные космы, и проговорила:

– Он самый. Пришлось три дня за ним гоняться. Обычно кладу его в молодильное зелье, а тут решила в зрячий котел добавить. Для качества изображения. И знаете, что?

– Что? – хором спросили ведьмы.

– Ни черта он не помогает, – сообщила рыжая.

Ведьмы сочувственно закивали, потому, что все знают – когда долго готовишь варево, а оно не срабатывает, это бьет по репутации. А репутация для ведьмы самое главное.

Они еще немного покорчили скорбные лица, потом сделали вид, что обо всем забыли, и уставились в середину котла. То, что ямайский перец не улучшил качество изображения, вовсе не значит, что его нет.

Рыжая что-то пошептала, покрошила в бурлящую жидкость оранжевый порошок. Затем хлопнула в ладоши и смачно плюнула в варево.

Жидкость зашипела и пошла мелкими белыми пузырями, какое бывает на убегающем молоке. Пена быстро пошла вверх, когда достигла краев и едва не перелилась, ведьмы хором рявкнули. Пена осела.

В середине пузырьки разошлись и открыли чистую зеленую воду. Через секунду проявились картинки, замелькали дома, машины. На отдельных участках светофоры и крошечные человечки, которые бегут через выкрашенную полосками дорогу.

– Ну и варвары, – буркнула остроносая. – Несутся, как оглашенные, не видя света белого.

Картинка сместилась и на поверхности появилось молодое женское лицо с белыми волосами. Голубые глаза смотрят прямо на них, девушка сжимает губы, словно размазывает помаду. Потом покачала головой, и взгляд переместился куда-то вперед.

– Эт где она? – спросила пухлая ведьма и наклонилась пониже, чтобы рассмотреть.

Рыжая подняла палец и произнесла значительно:

– В машине.

Остроносая сосредоточенно смотрела, как блондинка крутит руль, что-то тыкает справа от себя. Потом картинка вновь переместилась, теперь на другую улицу, где на бешеной скорости несется еще одна машина – большая и черная.

– А это кто? – спросила ведьма строго.

Вторая закричала.

– Не знаю, – сказала она недовольно. – Но чую, с такой прытью, ничего хорошего не жди. Гляди как мчит, глаза круглые.

Первая ведьма наклонилась, едва не касаясь носом бурлящей жидкости, несколько секунд что-то разглядывала и бормотала, потом резко выпрямилась и сказала возмущенно:

– Вы чего сразу не сказали?

– Так ты бухтела, как карга, – ответила толстуха. – На мундштук мой обзывалась.

Остроносая кивнула.

– И еще обзовусь, – произнесла она. – Она та, кто я думаю?

– Да уж как иначе...

– Тогда высылайте ворона, – сказала она, поднимаясь с табуретки. – И охрану. Срочно.

Глава 1

Ветер колышет волосы и щекочет кожу. В динамиках машины орет рок-группа, с названием, похожим на имя экзорциста. Но слова легкие, будто специально подбирали, чтоб запоминались лучше.

Локоть выставлен в окно и ветер поднимает волоски, пуская мелкие мурашки до самого плеча. Я глубоко вдохнула, чувствуя, как внутри растекается сладкое чувство если не полета, то свободы, которую может дать только скорость.

Мимо пронесся белоснежный «порш», блестящий и сверкающий, только с мойки, потому, что даже из салона автомобиля не пышат такой радостью и счастьем, как после нескольких этапов чистки.

– И тебе здрасте, – проговорила я, косясь на панель своей «приоры», которую купила в кредит и до сих пор за нее плачу.

На локоть села пчела. Я ойкнула, но махать за рулем не решилась. К тому же, где-то читала – они не любят машущих людей.

С насекомым на руке проехала четыре квартала. Когда притормозила на перекрестке, пчела поползла к пальцам.

– Хорошая насекомая, – произнесла я опасливо. – Ты же не будешь меня кусать? Ты полезный сельскохозяйственный зверь. Лети давай, а то я тебя боюсь.

Насекомое с явным удовольствием проигнорировало мои слова и продолжило ползти. Я косилась то на пчелу, то на дорогу, стараясь не упускать из виду перестраивающихся лихачей в левом ряду.

– У тебя реактивный двигатель в брюхе, что ли? – спросила я, придавливая педаль тормоза. – Еще и выбрала место, куда приземлиться. Давай, порхай отсюда, мне рулить надо.

Пчела на секунду замерла, затем оттолкнулась и с тихим гулом полетела в сторону деревьев.

Я облегченно вздохнула и пошевелила рукой. Пока насекомое думало, кусать меня или нет, приходилось сидеть смирно, и рука затекла до самого плеча.

Воспоминания о чудовищном рое пчел, который гудел вокруг меня в лесу два года назад, были еще свежи. Я ощущала его кожей и всеми внутренностями, молясь чтобы они меня не тронули. Иногда пчелы садились на лицо, но не жалили, а когда жужжащее облако взмыло в небо и улетело на восток, еще полчаса тряслась, пытаюсь прийти в себя.

Кровоток в руке наконец восстановился, я переключила канал на приемнике и заглянула в зеркало заднего вида. Его специально ставила так, чтоб можно было на себя любоваться.

Оттуда выглянуло аккуратное личико двадцати пяти лет, с серо-голубыми глазами, обрамленное длинными соломенными локонами.

Взгляд скользнул ниже к фотографии, которую все никак не решусь отклеить с панели. На ней улыбается черноволосый юноша с лукавыми карими глазами, словно ничего не было, и мы все еще женаты.

Я тряхнула головой, взгляд снова поднялся к зеркалу, а губы сжались, как если бы размазывала помаду. На секунду показалось, в отражении какие-то бабки и рыжая девка.

– Мать честная... – шепнула я, отпрянув.

Несколько секунд моргала, пытаюсь вспомнить, что за дрянь вчера смотрела на ночь, если такое мерещится.

Проспект чистый, светофоры загорелись зелеными глазами. Говорят, попала в «зеленый коридор». А я, в сотый раз прокручивая в голове диалог с адвокатом по разводу, случившийся так быстро, что до сих пор не верю, вздохнула и понеслась по солнечной улице.

На календаре навигатора середина апреля, но народ пока в зимних пальто, некоторые даже в шубах. По радио сказали, весна в этом году запоздала, но лето обещают жарким, как в Эмиратах.

Я хмыкнула.

– Без вас бы ну никак не догадалась. Ничего. Будет и лето, и весна. Сегодня у подъезда лично видела, что на деревьях набухли и посветлели почки.

Зеленый коридор кончился, пришлось нажать на тормоз. Толпа людей поползла по переходу, словно не знают, что светофор скоро переключится.

Я нервно забарабанила пальцами по рулю, наблюдая, как мамаша тянет двоих детей, видимо погодок, те орут и сопротивляются, но мамаша прет, как танк.

В подставке для стаканов зазвонил мобильник, на экране высветилось лицо Наташи. Я поморщилась, представляя, во что может превратиться разговор с подругой, которая больше меня рыдала, пока я разводилась. Несколько секунд игнорировала, но телефон звонит, а стоять еще долго.

Пришлось нажать на прием вызова и включить громкую связь.

– Слушаю, – произнесла я.

– Барби, привет! – взвизгнуло в трубке. – Чего так долго не отвечала? Я думала, случилось что-то. Не случилось? Ты если что говори, поможем, чем сможем. Вон у нас в прошлом году...

– Ты по делу звонишь? – прервала я ее.

В трубке на секунду повисла пауза, словно Наташа действительно забыла, что хотела, затем послышалось неуверенное бормотание:

– М... Да, по делу. Ну вообще спросить хочу. Бумаги-то подписали? Разве так быстро разводиться можно? Разве можно?

– Можно, – сказала я коротко. – Подписали.

В динамике облегченно вздохнули.

– Ну слава богу. Ой, извини. Я не это имела ввиду. Это ж какой гад? Свинтил, даже «пока» не сказал. Свинья.

– Свинья, – повторила я машинально.

– Он объяснил причину развода?

– Его не было, – сказала я, представляя, как вытягивается лицо Наташи.

В трубке охнуло, Наташа возмущенно выдохнула:

– Как это не было?!

– Вот так, – сообщила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, но каждое слово отдавалось ударами в грудную клетку. – Он просто не приехал. Я не видела его с выходных. А о разводе сообщил по телефону три дня назад. Я тебе говорила.

В трубке повисла пауза, словно Наташа ищет слова, но никак не может подобрать, потом все же произнесла:

– Он мерзавец. Подлец и трус. Если сбежал с какой-нибудь брюнеткой, мог бы по-человечески... По-взрослому...

– Мог, – оборвала я ее, чувствуя, что если она продолжит меня жалеть, разрыдаюсь прямо в машине. – Но не стал. Наташа, он ушел.

Из динамика донесся гневный выдох, она проговорила:

– И с завидной скоростью все провернул. Но ты не переживай. Не ты первая, не ты последняя. Ну нашел он другую, ну и пусть катится колбаской. Больно надо. Крепись, мы с тобой.

Я проводила взглядом мамашу с орущими детьми. Один из них перешел на ультразвук, и теперь кажется, что в машине дребезжат стекла. С тротуара на переход выскочил толстопузый мужик и, переваливаясь, побежал на другую сторону, боясь не успеть до красного сигнала.

– Этого он не сказал, – ответила я Наташе. – Он не говорил, что ушел к другой женщине...

Наташа в трубке выдохнула.

– Не выгораживай его. Куда еще он мог уйти? Тут вот что. В турфирме распродажа, билеты путешествий на воздушных шарах по бросовым ценам. На неделю! Представляешь?

Я хмыкнула.

– А от меня ты что хочешь?

– Поедем с нами? – прямо спросила она. – Развеешься, сменишь обстановку. Чего в четырех стенах сидеть?

Когда толстопузый, наконец, перебежал на другую сторону улицы, мимо на красный пронесся черный «ягуар» с тонированными окнами. Послышались гневные крики и сигналы, мужчина на переходе погрозил кулаком.

Глядя вслед «ягуару», я проговорила:

– Спасибо, Наташ. Я подумаю. Хочу побыть одна и осознать все. Мы разошлись так быстро... Но вот они, бумаги... В общем, нужно время. Я позже перезвоню. Идет?

– Ну ладно, – сказала она покровительственным тоном. – Но ты не кисни, если что – звони, метнемся кабанчиками, заберем, и ты свои мысли думать забудешь. Сувениры, фотки. Настоящие, полетные.

Наконец зажегся желтый, а я мысленно вознесла молитву светофору. Моторы соседних машин радостно взревели.

– Слушай, мне сейчас некогда, – проговорила я. – Давай потом.

Наташа стала еще что-то говорить, но я уже нажала на «отбой». Нога выжала сцепление, ладонь дернула рычаг коробки передач. Мотор взревел, и машина понеслась вперед, пока я старательно гнала от себя мысли о бывшем муже, который скоропостижно развелся со мной, даже не явившись на подписание бумаг.

– Почему? – прошептала я, надеясь, что ответ выплывает сам по себе, как показывают в кино.

Но в голове пустота, а из ощущений лишь недоумение.

Натужно выдохнув, я покосилась на коробку передач. Когда купила механику, друзья смеялись и не понимали, зачем блондинке сложности с переключением скоростей. Мол, взяла бы автомат и не мучилась в пробках. Но я только отмалчивалась. Ездить научил отец, а он не признает никаких автоматов.

Машины, которые стартовали первыми, быстро остались позади, моя старенька «приора» понеслась, мимо домов и магазинов. На новую денег не хватило. Да и на эту, чтоб взять кредит, пришлось собирать целый год, еще и у друзей одалживать.

Мимо с жужжанием пролетел «спортбайк». Я с завистью проводила его взглядом и перестроилась в правый ряд, мечтая, что когда-нибудь у меня будет транспорт, достойный моей свободной натуры.

Порыв ветра ворвался в окно и принес запах мимозы, которыми обычно торгуют бабушки у метро.

Я снова переключила музыку и повернула направо, по радио сказали:

– И вам нужно быть особо внимательными...

В этот момент в бок с грохотом влетело что-то тяжелое и большое, меня тряхнуло, едва не оторвав голову. Скрежет металла резанул по ушам, а я в ужасе скривилась, пытаюсь вывернуть руль. Мир закрутился, машину дернуло в сторону и боком понесло на клумбы.

Вцепившись в руль, я кричала сквозь скрип колес и рев двигателя.

Когда вертеть перестало, вылетела подушка безопасности и больно ударила в нос. Из него потекло теплое, попало на губы, и сползло на подбородок, на подушке отпечаталось красное пятно. Я облизнула соленое, и замерла.

В голове звенит, сердце колотится, как у бешеной мыши. В динамике играет песня, кажется что-то про дорогу и любовь.

Медленно повернув голову, увидела черный «хаммер» с поцарапанным носом. Бандура, которой моя машинка на один зуб, чуть развернута от удара, и наполовину загораживает соседнюю полосу.

В кресле водителя молодой брюнет, глаза круглые, пальцы вцепились в руль. Взгляд застыл на мне, будто собирается прожечь, нос маленький, курносый, щеки бледные, и весь он напоминает злобного хряка, только отощавшего.

– Дурак! – заорала я, пытаюсь вылезти.

Подушка никак не хочет отодвигаться я копошусь, как перевернутый на спину жук. Покаковырялась и сыпала проклятия, брюнет из «хаммера» вылез. Решила – собирается помочь, но когда увидела в правой руке монтировку, внутри все застыло.

– Помогите... – пискнула я неожиданно тихим голосом.

Пока водитель с бешеными глазами приближался, к месту аварии стянулась толпа, остановились машины. Псих повертел головой, лицо исказилось то ли досадой, то ли раздражением, он резко развернулся и вернулся в машину. Мотор «хаммера» взревел, и брюнет умчался в неизвестном направлении.

– Сбежал... – прошептала я, пытаюсь расцепить замок на ремне безопасности. – Мерзавец... Он тоже сбежал... А моя «приорочка»...

Толпа вокруг росла, машин становилось больше. Мужики вылезли и смотрят, один даже телефон достал, снимает вместо того, чтобы вытаскивать меня из покоренной машины.

Наконец, удалось выковырять себя из власти подушки. С шипением открыла дверь и вывалилась на асфальт. Стоя на четвереньках, я заглянула под локоть и сердце мое упало.

Нос машины отсутствует, вместо него искрятся проводки. Откуда-то, как голливудских фильмах, капает то ли масло, то ли еще что-то.

Повертев головой, обнаружила бампер, капот, и основные внутренности автомобиля, разбросанные по проспекту метров на двадцать. Из живота поднялась волна злости, но смогла пробормотать лишь:

– Почему это происходит со мной...

В толпе послышались крики. Такие бывают в очереди, когда кто-то ломится вперед и распихивает локтями. Через секунду, отодвинув толстого мужика, на дорогу выбрался паренек, совсем юный. Лицо бледное, губы трясутся, он вытер лицо рукавом и подбежал.

– Вы в порядке? – спросил он тревожным голосом, подбегая. – Вы меня видите, слышите?

Меня качнуло. Из носа все еще капает, и на асфальте остаются темно-бордовые пятна. Ветер дует сбоку и пихает волосы в рот, пока стою на четвереньках, как алкаш, решающий ползти дальше или прилечь прямо тут.

Я попыталась подняться, но мир снова закружился. Локти подкосились, а в желудке заворочался завтрак.

– Не шевелитесь, – выпалил он и снял с себя куртку. – У вас может быть сотрясение. Говорят, подушки сильно бьют. Не беспокойтесь, я врач.

Скользнув взглядом по шуплой фигуре, которая напоминает максимум студента первого курса мед колледжа, я скривилась. На языке завертелся колкий ответ, но тошнота заставила сцепить зубы.

Когда меня качнуло, парень обхватил за плечи и помог перевернуться. Затем расстелил свое пальто на асфальте и уложил меня бережно, словно фарфоровую.

Потом вытащил из кармана мобильник.

– Алло, скорая?

Я попыталась его остановить.

– Не надо. Все в порядке.

Волосы парня вскочились от ветра, он вытаращился на меня, как на умалишенную. В угольных глазах сочувствие и, почему-то, облегчение.

– Вы что? – выдохнула он. – Это чудо, что остались живы. Машину разворотило, уже не починить. Проще на свалку вывезти или продать на запчасти.

– Замолчи, – простонала я и попыталась встать, но он повелительно прижал к асфальту.

– Лежи, – приказал он. – Автомобили ерунда. Главное, жива осталась. Точно в рубашке родилась. Кому-нибудь позвонить? Другьям. Мужу?

– Нет, – ответила я щурясь от солнца, которое словно пытается выжечь глаза. – Мы развелись.

– Ну и чудненько, – почему-то произнес незнакомец. – Лежите, не шевелитесь, пока едет «скорая».

Я сдалась и откинула голову. В затылке отозвалась легкая боль. Кожа пошла мурашками, меня затрясло потому, что лежу лишь джинсах и блузке. Несмотря на состояние, мысленно поблагодарила парнишу, который хлопочет вокруг меня, умудряясь поглядывать, куда не следует.

Над головой голубое весеннее небо, птички щебечут, а моя машина превратилась в консервную банку, за которую еще выплачивать и выплачивать.

Сквозь шум в ушах слышно, как переговаривается толпа. Я простонала и покосилась на людей справа, среди которых помочь вызвался лишь один.

Шмыгнув носом, я спросила в никуда:

– Кто-нибудь номер записал?

Откуда-то из толпы послышался женский голос:

– Ты ж посмотри, какой гад! Врезался и смылся, тварюка. Это ж надо!

– Да это сплошняком сейчас, – раздался голос мужчины с другой стороны. – Они прав понакупят, гоняют, очертя голову. Давеча у нас на улице один вообще пьяным в подъезд завалялся, мусору накидал, в лифте нагадил. Куда ЖЭК смотрит?

Женщина повысила голос.

– Да причем тут твой ЖЭК? Девочку, вон, как побило. Ты б лучше номер сфотографировал. Все с телефонами стоите.

– На это есть камеры, – отозвался мужчина. – Есть службы, которые за это отвечают. Зачем лезть туда, где не разбираюсь? Из-за таких как вы, у нас все и не ладно.

– Это каких таких?

– Да которые лезут не в свое дело!

Завязался спор, народ начал ругаться и доказывать, махая кулаками, кто лучше знает, как жизнь сделать лучше. Я тяжело вздохнула и, не поднимая головы, я глянула на столбы и заграждения.

На месте камер обрывки проводов, совсем свежие, словно кто-то специально потрудились и выдрал камеры к сегодняшнему дню.

– Сказочное везение... – прошептала я.

Парниша сидел передо мной на корточках, время от времени трогал лоб, проверял пульс и делал какие-то манипуляции, мне совершенно не понятные. Лицо серьезное, видно – знает, что делает, хотя взгляд, то и дело, соскальзывает к шелковой блузке.

– Как вы? – спросил он. – Хуже не стало?

– Куда хуже? – спросила я глухо. – Машина разворочена, нос болит, этот мерзавец сбежал...

Парень посмотрел в сторону, взгляд на секунду стал странным, будто не здесь. Проговорил отстраненно:

– Хорошо, что смылся.

– Шутите? – не поверила я, пытаюсь понять, о ком конкретно мы говорим.

– Хорошо, – повторил он задумчиво, – что смылся. Значит, еще есть совесть, чтоб людям не показываться.

Через несколько минут, народ насладился хлебом и зрелищами, телефоны попрятались в карманах, люди стали постепенно расходиться.

Один, особо нахальный, мирно попивал кофе, пока я валялась в полубреду и делал фотографии с разных ракурсов. Но когда повернул камеру к себе для кадра на фоне меня, я не выдержала.

– Может еще мой нос вблизи сфотографируете?

Он оглянулся, губы растянулись в тупой улыбке.

– А можно?

– Вы в своем уме? – поинтересовалась я, пытаюсь привстать на локте, но парень-врач снова удержал. – Тут авария, а не кинотеатр!

Наглец усмехнулся.

– В кинотеатре нельзя снимать, – сообщил он. – А улица – место общественное. Что хочу, то и снимаю.

«Псевдоврач» поднялся и стал аккуратнo, но настойчиво отводить его в сторону, но нахал начал махать рукой и уворачиваться, надеясь сделать какой-нибудь снимок.

– Топай давай, – спокойно произнес «псевдоврач». – Займись чем-нибудь полезным... подальше отсюда.

Нахал стукнул его по руке. Я ожидала, что парниша накинется на него и даст сдачи, ну или хотя бы толкнет в ответ. Но тот лишь сложил руки на груди и опустил голову, словно собирается боднуть.

Настырный юноша с телефоном покраснел от злости, губы затряслись, он выкрикнул срывающимся голосом:

– Я гражданин страны! У меня есть права! Могу ходить где хочу, и снимать, что хочу.

Мой щуплый защитник пожал плечами и сказал:

– Снимай и ходи, только не здесь.

– А я хочу здесь!

Внутри меня все закипело, боль в носу уже не режет, но тупая и постоянная, от чего еще хуже. Я подняла на нахала усталый взгляд и прошептала в сердцах:

– Да чтоб тебе... кофе твой дурацкий на себя вывернуть.

Нахал сделал шаг назад, со стороны тротуара послышался дребезжащий звук потертых колес. Он быстро приближался, через пару секунд со спины на наглеца налетел парень на скейте.

В воздухе мелькнул бумажный стакан, и кофе оказался на белом замшевом пальто.

Я изумленно подняла бровь и проговорила:

– Все-таки есть на свете справедливость.

На месте аварии остались только щуплый паренек, который врач, и несколько мужиков. Они сели рядом на бордюр и закурили, время от времени поглядывая в мою сторону.

Потом была скорая, полиция. Мне светили в глаза фонариком, заставляли дуть в трубочку, от чего чуть снова не вывернуло. Прямо на месте взяли кровь, что-то долго писали. Какие-то бумажки для страховой компании, еще что-то. Я плохо соображала, и все делал паренек.

Пришлось заполнить бланки на экспертизу. Я с тоской посмотрела на свою «приору». Машина раскурочена, и восстановлению не подлежит.

На вопросы отвечала несвязно и коротко – на смену злости пришла слабость и апатия. Нос заклеили, вкололи кровоостанавливающее потому, что из него лилось до самого приезда скорой. Доктор сказал, что не сломан, просто ушиб сильный.

Паренек суетился рядом, сыпал медицинскими терминами и заглядывал в мою карту, умудряясь флиртовать с тремя медсестрами одновременно. Доктор на скорой раздраженно отмахивался, требуя, чтоб не мешал работать, но паренька это только раззадоривало.

Когда полез в коробку с анализами, доктор не выдержал.

– Молодой человек! – закричала он. – Если вы немедленно не прекратите, я сдам вас полиции.

Перспектива оказаться в «кутузке», паренька усмирила. Он сел с краю на пол «скорой» и поправил плед у меня на плечах.

– Ничего, – проговорил он со знающим видом. – Все хорошо будет. Я подглядел в отчеты. Сотрясения нет, но стукнуло тебя знатно. А нос заживет.

Я кивнула. Единственное, что сейчас беспокоит – это разбитая машина и негодяй, который скрылся с места аварии.

– Его надо найти, – проговорила я слабо. – Пусть платит.

– Найдем, – уверенно произнес парниша.

Я покосилась на него, надеясь увидеть улыбку или ухмылку, подтверждающие, что так шутит и пытается ободрить. Но тот серьезный, как завоеватель севера в метель.

Смущенно повернувшись к дверце машины, я глянула на отражение в окне и чуть не заревела.

Как и у авто, мой нос перебит и заклеен пластырями. Тушь размазалась, видимо, все-таки плакала. Локоны. Мои чудесные соломенные локоны, которые укладывала целый час, торчат в разные стороны, как у болотной ведьмы.

Когда возня с документами закончилась, предложили ехать в больницу.

Представила, что придется снова бегать по кабинетам, сдавать анализы, одеваться, раздеваться сто раз. И отказалась. Хотя паренек настойчиво требовал, чтоб ехала.

– Вдруг у тебя что-то сломано? – не унимался он. – Или внутренний орган какой разорван. А может все-таки сотрясение, и ты на грани комы.

Я посмотрела на него скучающим взглядом и медленно встала на асфальт.

– Тоже мне, Доктор Маус, – бросила я. – Мне просто надо отдохнуть.

Парень вскочил следом и принялся поддерживать под спину, словно хрустальную.

Тошнота почти прошла. Видимо, от нервов разыгралась, а вовсе не от сотрясения, как надеялся это недоврач. В ушах еще шумит, но голова кружиться перестала. Только нос болит.

– Слушай, – проговорила я, стягивая плед с плеч. – Я в порядке. Просто у меня тяжелый... Нет. Очень тяжелый день. Но если будут какие-то проблемы, номер «скорой» знаю.

Парень запустил пальцы себе в волосы и с силой потер.

– Мне будет спокойней, если буду знать наверняка, – произнес он серьезно. – Знать, что ты в безопасности.

Я не сдержала улыбки.

– Мне кажется, – начала я осторожно, – ты выбрал не самое удачное время для знакомства. Я очень благодарна за помощь. Честно. Без тебя я бы... в общем не знаю. Но больше всего я сейчас хочу попасть домой.

Он кивнул.

– С этим разберемся. Но я несу ответственность. Не ты ее возложила, не тебе ее снимать.

У меня округлились глаза, я некоторое время тарасилась на него, в ожидании объяснений, но тот молчит с серьезным лицом.

Наконец я проговорила:

– Ладно.

– Чудненько, – сказал он все так же серьезно. – Все вещи забрала?

Я покачала головой.

– Нет. Там продукты и... телефон выбило из держателя. Не знаю, где-то в машине затерялся.

Он протянул свой мобильник, я набрала на сенсоре номер и пустила гудок. Из разбитой машины донесся симфонический хор. Парень приподнял бровь, я неловко повела плечами и отдала телефон.

Когда направилась к «приоре», чтоб забрать вещи, он прошмыгнул вперед. Прежде чем успела сообразить, открыл заднюю дверь, которая каким-то чудом не пострадала.

– Что доставать? – крикнул он.

Приблизившись, я заглянула через дверцу. Из салона торчит костлявый джинсовый зад и грязные подошвы.

– Доставай все, – сказала я, оперевшись плечом на дверцу.

Парень долго рылся, шуршал пакетами, видимо теми, в которых лежат покупки из продуктового магазина. Потом ковырялся еще с чем-то, кажется, с журналами. Обычно покупаю сразу пачку и кладу в уборную.

Спустя вечность, парень вылез и протянул мне пакет, сумочку и телефон. На руке висит пальто, рукав залит чем-то блестящим.

– Пришлось повозиться? – спросила я почему-то охрипшим голосом и взяла пальто.

Он кивнул и протянул мне папку с документами о разводе.

– Там помидоры выкатились, – сообщил парень, – и банка с медом разбилась.

Я простонала, сокрушаясь, что придется салон чистить. Но тут же вспомнила, что у машины есть проблемы куда серьезней, и выхватила у него папку.

Сунув телефон в карман джинсов, натянула пальто. Когда взяла сумку и пакет, меня качнуло, и паренек забрал все обратно.

– Так не пойдет. Ты едва на ногах стоишь, – сказал он и повесил женскую сумочку себе на плечо. – Я тебя довезу.

Я содрогнулась от мысли, что придется показывать, где живу, совершенно незнакомому человеку. Но когда подняла взгляд на парнишу, поняла – не отстанет. В голове шумит, а помощь действительно нужна потому, что терять сознание где-нибудь в метро или на улице не охота. Опять вызовут докторов, а на этот раз точно заберут в больницу.

– Хорошо, – согласилась я, – вызывай такси.

Он странно улыбнулся. И даже в таком состоянии по коже пробежали мурашки.

– Обижаешь, – сказал парниша. – Что я, совсем плохой? У меня своя.

Мы прошли за угол. Во время пути, он аккуратно, но крепко придерживал меня за локоть, готовый в любую секунду подхватить и нести на руках. От этого у меня внутри все почему-то сжималось. И с облегчением выдохнула, когда незнакомец сказал:

– Пришли.

Оказалось, у паренька припаркована машина на стоянке у супермаркета – блестящий черный ягуар с тонированными окнами. Внутри снова все застыло, я бросила опасливый взгляд на незнакомца и вывернула шею, чтобы посмотреть номера. Но он уже открыл дверцу и быстро усадил в машину.

Потом пакеты и сумка полетели на сидение, он обежал машину спереди и сел.

– Куда едем? – спросил он бодро, словно только что не в аварии помогал, а в клубе пиво пил.

Меня потряхивало. То ли от аварии, то ли от дерзкого поведения незнакомца. В голове всплыли фильмы о похитителях, Дон Жуанах, а потом почему-то полезли картины хоррора.

Я тряхнула головой и тут же об этом пожалело – острая боль резанула по вискам, будто неделю не спала и каталась по клубам.

– Ты что-то бледная. Голова не кружится? – спросил он с тревогой.

– Нет.

– Уверенна? А то на тебе лица нет.

Нервно сглотнув, я покосилась на него и произнесла:

– Честно сказать, я не сажусь в машины к незнакомым людям, даже если они вызывали мне скорую. Тем более в такую машину.

Парниша приподнял бровь.

– Это какую «такую»? – поинтересовался он, что-то нажимая на сенсорном табло вместо магнитолы.

– Тонированную, дорогую и не внушающую доверия, – сообщила я. – И ты проехал на красный.

– Это на перекрестке? – просил он, вытаскивая из-под кресла скомканный комочек тряпки. – Ну натура в меня такая, острые ощущения, все дела. Заметь, от этого никто не пострадал. Я, между прочим, один из лучших, гм, водителей.

– Угу, – буркнула я. – Вредителей.

Парень встряхнул тряпку и принялся протирать панель, которая и без того пышет жаром, словно только что натерли воском или еще чем-то. Затем швырнул на заднее сидение и развернулся. Взгляд устремился вперед, сосредоточенный и прямой, будто он им пространство рассекает.

– И так, – сказал парниша. – Куда ехать? Имей в виду, не выпущу, пока не удостоверюсь, что ты в безопасности.

Я вздохнула, как, наверное, вздыхали рабы или узники темниц в Средние века. Этот парниша вызвал смешанные чувства. На секунду захотелось выскочить из машины и бежать, пока не случилось что-то немыслимое. Но голова кружится, а тело ломит.

Пришлось снять навигатор с держателя и набрать адрес. Программа приятным женским голосом сообщила, что маршрут построен.

Вернув прибор на место, отвернулась, чувствуя, как внутри все сжимается от того, что можно было бы назвать предчувствием, если бы в такое верила.

В попытке выгнать дурные мысли, я уставилась в окно.

Мотор взревел, мы тронулись.

Парень ведет по-мужски уверенно и расслабленно. Окно чуть приоткрыто, ветер шевелит смоляную шевелюру, а я тайком разглядываю человека, который бесцеремонно обо мне печется.

Кроме джинсов, на нем черная футболка со смайликом-чертенком, и золотые часы на запястье. Присмотревшись, поняла – он не такой юнец, каким показалось с первого взгляда. И худоба, вроде бы, куда-то делась. Под рукавами перекатываются тугие бицепсы, и плечи широкие, на под футболкой проглядываются прокаченные грудные мышцы. Подбородок волевой, с короткой щетиной, какую обычно любят женщины.

Пытаясь понять, почему теперь мой спаситель выглядит иначе, осознала, что слишком долго разглядываю его, и перевела взгляд на панель.

Незнакомец потянулся к магнитоле, но на полпути остановился и передумал.

– Тебе сейчас не стоит громкое слушать, – сообщил он врачебным тоном. – Нужен покой.

– Какой покой, если еду в черной машине с неизвестными номерами? – нервно бросила я. Он отмахнулся.

– Не переживай. Со мной тебе ничего не грозит. Я, можно сказать, лучший в этом деле. Моя тревога усилилась.

– В каком ещё деле? – спросила я, косясь на ручку дверцы, и прикидывая, можно ли выпрыгнуть на ходу из машины, как в фильмах.

На секунду его лицо стало задумчивым, он потер пальцами подбородок, потом произнес:

– Ну, гм, в деле безопасности. В общем, для тебя я самый что ни есть безопасный. Поняла?

– Нет, – отрезала я.

Только сейчас заметила, что он оставил пальто на дороге и теперь одет совсем не по погоде. Хотела сказать, но он опередил:

– Куда большую опасность вызывает тот «хаммер». Тварь, быстро сработал, даже почечаться не успел. Умеют, могут, практикуют. Ну ничего, не с теми связались... Я работал, когда их и в проекте не было...

Он говорил, будто погружался в мысли, забывая, что тут посторонняя. Боясь нарушить его размышления, я притихла и стала прикидывать, как быть с машиной, которая разбита в металлолом и за которую надо выплатить остаток кредита.

Мы проехали парк, потом озеро и свернули в спальный район, где у меня маленькая квартира-студия. Ее купила, как только появились первые деньги и тоже в кредит, хотя знакомые рекомендовали вложить в дело, купить акции, закрутить бизнес. Но сложно что-то крутить, когда жить негде.

– Ты, главное, не беспокойся, – неожиданно проговорил парень. – Ты одна из первых в списке.

Я повернулась и настороженно глянула на паренька, ожидая объяснений. У того лицо серьезное, с короткой щетиной, которую тоже почему-то не заметила с первого взгляда. Молчит и смотрит на дорогу.

– Ты про экспертизу? – осторожно поинтересовалась я.

Он странно покосился на меня черным глазом и произнес:

– Да какая экспертиза. Главное, вытащить успели. Вообще, это мой недосмотр. Надо было раньше приехать. Понадеялся, что так рано никто не осмелится. А нет. Ошибся. Они откуда-то знали. Но ты не переживай. Что-то подсказывает мне, ты справишься.

– Со страховкой? – снова поинтересовалась я, чувствуя, как по спине пробежала мокрая дорожка.

Он нажал на газ, едва не врезавшись в грузовик. Я вжалась в кресло и вцепилась в ручку на дверце.

– Осторожней! – вырвалось у меня.

Незнакомец, имя которого даже не потрудилась узнать, не обратил внимания, что чуть не втянул меня в новый кошмар. Достал из бокового бардачка сигареты и закурил. Серый дымок завертелся спиралью, теряясь в приоткрытом окне. Человек вкусно курит, щура левый глаз.

– Причем тут страховка, – произнес он, придерживая руль лишь пальцами. – Страховка тут решительно не причем. Ты не бойся. Пока мы рядом, точнее, я, по большей степени, тебя никто не тронет. Ты пройдешь, нутром чувствую. Такое просто так не появляется. Не все верят в нарожденных, но я встречал. Знаю, о чем говорю.

Слушая бессвязную околесицу, я хлопала ресницами, пытаюсь понять, что пытается сказать. Потом мелькнула жутковатая мысль – сумасшедший, который будет караулить по вечерам у подъезда, если домой довезет, а не в лес.

Я быстро скользнула взглядом по подбородку, высоким скулами и темным, как густой чай глазам. Потом нервно сглотнула, пальцы сжали ручку двери, будто она может помочь, и стала искать – чем отбиваться, если вдруг полезет.

Парень даже не заметил моего ужаса, и невозмутимо продолжил, сворачивая во дворы:

– Главное, верить в себя и чутью. Они говорят о правилах, но я еще не видел ни одной, которая смогла бы пройти, только благодаря правилам. Не верь – вот тебе мой совет. Ты, конечно, можешь не слушать, я всего лишь охранник. Но у меня богатый опыт, и он говорит, что себя найти получается только у тех, кто идет на чутье.

Я старалась не смотреть на паренька, который, при близком рассмотрении вовсе и не паренек, а взрослый мужчина лет тридцати отроду. Да и не при близком тоже потому, что эти бицепсы можно не заметить лишь если стукнули по голове, как меня.

Мы проехали сквер. Я судорожно вспоминала, как ходила на курсы самообороны. Но там учили защищаться, а не вести себя с психом, который несет черт знает, что, и вот-вот узнает, где живу.

– Наверное, выйду здесь, – неуверенным голосом проговорила я и попробовала нажать на ручку.

Парень-не-парень глянул на меня оскорблено и покачал головой.

– Ну нет, – произнес он и, приподняв голову, подмигнул, – Моя задача – чтоб ты была в целости и сохранности. Высажу, а ты свалишься где-нибудь в канаву. Мне потом так по рогам надают, неделю залечивать буду. Нет, голубушка. Довезу до самого подъезда. И на этаж подниму.

При упоминании об этаже меня бросило в холодный пот. В голове промелькнули забытые слова молитв, мантр и всяких обращений, но в итоге остановилась на «Боже, упаси.»

Я постаралась сделать вид, что совершенно спокойна. Извернувшись, потянулась за сумкой и пакетом на заднее сиденье, чуть не уронила папку с документами.

Водитель чуть отклонился, давая мне больше места для манипуляций.

– Не переживай, – проговорил он. – Сам все отнесу.

Внутренности сжала ледяная лапа, сердце ухнуло и забилося, как у загнанного кролика. Вспомнила, как на днях смотрела передачу о мозге, о гениальности и безумии. Мол, они две стороны одной медали. В той же передаче говорили, как на буйно помешанных действует полнуние. А сегодня как раз оно.

Стараясь унять дрожь, я сложила руки в замок и сделала вид, что очень сосредоточена на дороге. Водитель еще несколько раз свернул и остановился возле подъезда.

Как только движение прекратилось, я выскочила из машины с папкой в руке и метнулась к дверям. Сзади хлопнула дверца, я на бегу оглянулась и увидела, как парень-не-парень быстро идет за мной, неся сумку и пакет.

Он проговорил улыбаясь, но мне показалось, это оскал:

– Ничего себе скорость. Оглянуться не успел, а тебя уже нет. Куда твои помидоры нести? Меня затрясло еще сильнее.

– Помидоры? – выдавила я.

– Ну да. Тут килограмма три. Куда так много?

Стараясь не беспокоить душевнобольного, я проговорила дрожащим голосом:

– Я с-сама могу.

Он посмотрел на меня и покачал головой.

– Нет, не можешь, – проговорил парень-не-парень, приближаясь к домофону. – Вон, как трясешься. Наверное, от шока. Ты сейчас ляг, отдохни, выспишься, как следует. Воды пока не пей, все-таки вдруг сотрясение. Если очень захочется – сладкий чай. И никакого кофе с алкоголем.

С этими словами он набрал код домофона, послышался сигнал и дверь открылась. Я с ужасом смотрела, как он заходит в подъезд и не понимала, откуда узнал пароль.

Когда вошли, я обреченно поплелась следом, размышляя, откуда у меня эта паранойя, и быстро ли приедет полиция, если вызову. Даже вытащила мобильник, чтобы набрать, но незнакомец неожиданно обернулся и пошел вперед спиной, щуря левый глаз.

Я раскрыла рот, чтобы закричать, но горло сдавила невидимая лапа, получился сдавленный сип.

Незнакомец усмехнулся.

– Не нервничай, – произнес он. – И не делай резких движений, иначе растревожишь свое сотрясение. Ерунда мерещиться начнет, бегать станешь. А мне тебя ловить.

– Ловить? – пролепетала я.

– Конечно ловить, – согласился он. – Когда коту пытаются сделать укол, он тоже недоволен и мечется по столу. А потом счастлив потому, что не болит. Так что не напрягайся. Я поймаю.

Когда заходили в лифт, меня трясло, как в лихорадке. Он учтиво придержал дверцы, едва те попытались меня зажать. Потом нажал на кнопку «пятнадцать», и лифт поехал вверх.

Не зная, каким богам молиться, я таращилась в серебристую створку. Под нами гудит шахта, а у меня ощущение, что там разверзся ад, а рядом со мной его житель. Рука скользнула к карману в надежде обнаружить шокер, который настоятельно просила купить Наташа. Но там пусто, как в космосе.

Лифт остановился, створки разошлись, я на деревянных ногах вышла в коридор. На полу валяются лепестки цветов и траурная лента. Видимо, у соседей кто-то умер.

Незнакомец скользнул взглядом по лепесткам и сказал почему-то бодро:

– Новобранец.

У двери квартиры я остановилась, понимая – сейчас случится страшное. Траурные ленточки оптимизма не добавили. Когда попыталась нащупать ключи в кармане, снова наткнулась на пустоту.

Оглянувшись, обнаружила парня-не-парня, который протягивает сумку и пакет. В другой руке на пальце висит связка ключей.

– Давай открою, – проговорил он и отодвинул меня в сторону.

Во рту пересохло. Я видела, как он вставляет ключ в разъем, проворачивает. Раздается щелчок, и дверь тихо отворяется. Псих толкает внутреннюю дверь, которую никогда не запираю, и ставит вещи на пол. Затем отходит на пару шагов и произносит:

– Ну вот. Как и обещал – в целости и сохранности. А отдохнуть все-таки приляг.

– Ш-што? – выдавила я.

Но незнакомец развернулся и направился к лифту, а я осталась оторопело смотреть в спину. Когда раскрылись створки, пятясь, он вошел в лифт. На лице засияла улыбка, какой позавидовала бы любая голливудская звезда.

– Помни, Варвара, – сказал незнакомец. – Верь чутью.

И двери лифта сомкнулись.

Глава 2

Несколько минут я тупо смотрела на створки лифта, держа в ладони ключи, которые непонятным образом в ней оказались.

На форточку, громко хлопая крыльями, сел голубь. От испуга я дернулась и, наконец, отвела взгляд.

На деревянных ногах вошла в квартиру и плотно заперла обе двери. Пока шла, прикидывала, что может взбрести в голову этому ненормальному, который откуда-то узнал мое имя. Потом догадалась – в медицинской карте подсмотрел.

Пришлось согласиться с мыслью, что после аварии и стремительного развода у меня очень быстро развился страх и подозрительность ко всем подряд. Это немного успокоило.

Пальто оставила на самодельной вешалке из гвоздя. Переехала недавно и еще не успела полностью обустроиться.

Бросив пакет и сумку в коридорчике, проковыляла в комнату, которая, по совместительству кухня, спальня и рабочий кабинет. Окно оказалось закрытым и в квартире невообразимая духота. Коммунальщики, как взбесились – решили напоследок врубить отопление, чтоб мы, бедные, не замерзли по весне.

Я подошла к окну и, отдернув штору, открыла фрамугу. В комнату ворвался свежий весенний ветер и шум города, который даже на пятнадцатом этаже слышно.

Волосы приятно скользнули по щекам, я провела ладонью по растрепанным локонам и вздохнула. Женщинам приходится трудиться над собой день и ночь, а испортить все можно за несколько секунд.

От свежего воздуха немного полегчало, а когда глянула вниз, даже на секунду забыла о странном незнакомце.

Вид отсюда великолепный. Когда искала квартиру, смотрела не только на цену, что все же решающий фактор, но и на расположение. Выбрала именно эту. Пятнадцатый этаж, самый верх дома. Квартира не угловая, значит, не будет настывать от ветра.

Отсюда машины и люди кажутся букашками, потоки автомобилей ползут, как дождевые черви. А народ – вообще блохи.

Отвернувшись от окна, пошарила взглядом по кухне. На столе графин с водой, хотя не помню, чтобы наливала. Хотела наполнить стакан, но вспомнила слова парня-не-парня о возможном сотрясении, и решила не рисковать.

На глаза попался чайник. Через пару минут в чашке дымился горячий чай.

Я села с ним к монитору. Когда пошевелила мышкой, глаза резануло светом. Значит, все-таки что-то случилось с нервами в голове, и посмотреть фильм не удастся.

С досадой выключила монитор и, отхлебнув несколько глотков, перелезла в кровать. Матрац слабо прогнулся, тело расслабилось. Раздеваться не хотелось. Тело, как выжатый лимон, голова не варит, руки дрожат.

Ладонь сама скользнула в карман, я вытащила мобильник из джинсов и включила экран. От яркости снова заболела голова. Прищурившись, увидела последний пропущенный вызов и чуть не выронила телефон.

– Ничего себе, красивый номер, – проговорила я в пустой комнате.

После цифр оператора сплошные шестерки и нули, за которые охотники за номерами будут готовы выложить круглую сумму.

Я оставила номер в вызовах, но добавлять в список контактов не стала. Вместо этого ткнула на предыдущий. В трубке послышался гудок, через несколько секунд раздался бодрый Наташин голос:

– Барби?

– Привет еще раз, – проговорила я. – Слушай, ты прости, но я точно никуда не полечу. Повисла пауза, только слышно, как Наташа тяжело сопит на том конце.

Стало неловко, и я продолжила:

– Машину ремонтировать надо.

– Что-о? – выдохнула Наташа.

– Авария, – коротко ответила я.

Мне не видно, но прекрасно знаю, что сейчас она вскочила и бежит туда-сюда, как взъерошенная белка.

– Как! – вопила Наташа. – Как это произошло?!

Я коротко рассказала, что случилось. Про психа решила умолчать, допустив, что мне, и правда, померещилось. Потому что он один решил помочь, когда другие даже пальцем не пошевелили.

– Номер «хаммера» записали? – негодовала подруга. – Негодяй! Какой негодяй! Сбил и смотался. Надо заявление писать, в прокуратуру обращаться!

– Туда-то зачем? – не поняла я.

– Не знаю, – донесся голос из трубки. – Но лучше везде обратиться. Где-нибудь получится.

Я вздохнула и произнесла устало:

– Ладно. Все потом.

– Мне приехать?

– Не надо, – ответила я. – Хочу поспать. Сегодня тот еще денек.

– Хорошо, – проговорила Наташа. – Денек действительно не сладкий. И эти документы еще... В общем, если что, сразу звони. Я с Дэнчиком, он на машине. Мигом будем у тебя

– Договорились, – сказала я и нажала отбой.

Я бросила телефон рядом и перевернулась на бок. В таком положении голова стала быстро наливать свинцом, пришлось вернуться на спину. Спать в таком положении никогда не получалось, поэтому легла на живот. Сразу заложило многострадальный нос. Чертыхнувшись, снова заняла положение на спине и, к величайшему удивлению, тут же уснула.

Снилось что-то совсем сумбурное. Я лазила по катакомбам, кого-то искала, потом вышла в какие-то очень старые двери и оказалась в разрушенном мире. А может он и не разрушенный, а просто заброшенный. По небу носятся серо-белые вихри, как бури на Сатурне. Вокруг тишина и пустота. Пройдя несколько шагов по высохшей до трещин земле, остановилась и стала ждать. Не знаю, чего, но ощущение, что ждать надо. Потом что-то загремело, и гулкий голос проговорил:

– Выбирай сторону.

Потом снился кошмар про урок физкультуры. Я, как всегда, не могу подтянуться на турнике, а весь класс тыкает пальцами и смеется. Тренер орет, но у меня ничего не выходит. Болтаюсь сарделькой на тоненьких руках и реву.

Проснулась с неприятным осадком. Такое бывает, когда сон кажется слишком реальным. Потом весь день не можешь отделаться от ощущения, что в жизни тебя где-то обманули.

Вечернее солнце льет на занавески золотистый свет. Я с изумлением перевела взгляд на часы. Девятнадцать ноль две. Значит, проспала весь день, чего сроду не случилось.

Медленно опустив ноги на пол, поднялась и подошла к кухонному столу, где оставила графин с водой. Теоретически, если бы было сотрясение, меня до сих пор бы мутило. Но голова болеть перестала, тошнота ушла. Только нос ноет.

Я налила воды в стакан и поднесла к губам. В этот момент за спиной раздался цокот когтей по ламинату. Злясь на ЖЭК, которая убеждала, что в доме нет ни крыс, ни мышей, я развернулась.

Глаза расширились, стакан выпал из рук и стукнулся о пол, потому, что пластиковый. С тихим шорохом он покатился под стол, на полу растеклась лужа. Я замерла.

В середине комнаты рядом с кроватью стоит огромная ворона или ворон. Черные масляные глаза по очереди таращатся на меня. Основание носа заросло то ли шерстью, то ли перьями, на лапах такие когти, которыми можно быка вспороть. Птица блестит иссиня-черными переливками и напоминает персонажа фантастического фильма.

Я сдавленно выдохнула, решив, что еще сплю. Ворон должен быть примерно с кошку, а этот, как крупная овчарка. В одной лапе какая-то бумажка, птица время от времени переминается, продолжая внимательно меня изучать.

В голове забегали мысли, попыталась вспомнить что-нибудь о воронах – как надо себя вести, агрессивны ли они, что едят. Но самая главная мысль вытеснила остальные – какая здоровая ворона.

Потом решила, что надо угостить ее чем-нибудь. Когда потянулась к хлебнице, ворона проследила за рукой и приоткрыла клюв.

– Можешь не утр-руждаться, – раздался трескучий голос. – Я кар-крошки не ем.

Рука замерла на полпути, я вытаращилась на птицу, с ужасом понимая – слова вылетели из ее глотки.

Пока пыталась собраться с мыслями, ворон вытянул лапу. Бумажный сверток распорхиваясь, и птица уткнулась в него носом.

– Вар-рвара Александр-ровна Черносветова, среди друзей Бар-рби, – начал читать ворон, не обращая внимания на мой ступор. – Двадцать пять лет исполнилось неделю назад. По некоторым данным нар-рожденная. Инициация не пройдена. Рост сто шестьдесят шесть, вес пятьдесят девять. Р-разведена, детей нет. Бр-рюнетка.

Ворон поднял голову и посмотрел правым глазом. Волосы на моем затылке если не шевелятся, то очень хотят, пока пытаюсь поверить, что птица говорит сознательно.

Ворон изучающим взглядом таращился на мои волосы, поскольку утверждение о брюнетке не совпадает с тем, что он видит, а я уперлась задом в дверцу шкафчика и сползла на пол.

– Крашусь в блонд, – пролепетала я пискляво, не веря, что отвечаю вороне.

Солнечный свет переливается в смоляных перьях и делает птицу какой-то зловещей. Клюв блестит, глаза сверкают. Я нервно сглотнула и украдкой ущипнула себя за бедро.

– Ай.

– Хор-рошо, – произнес ворон и вернулся к бумаге. – Положением от двадцать пятого числа пер-рвого года постановлено, всем урожденным, потомственным, приобретенным, наследственным, нарощенным и прочим явиться на инициацию не позднее двух недель после исполнения двадцати пяти лет. Неявка или опоздание рассматр-ривается как нарушение и кар-рается отлучением от Круга и любого участия в мер-роприятиях.

Оперевшись ладонью на ламинат, я пыталась понять, что мелет это пернатое, и почему вообще может это делать. Видимо, мысли отразились на моем лице, потому, что ворон перестал пялиться в свиток и процокал когтями до кухонного стола.

Приподнявшись на лапах, он подвинул клювом графин с водой, а я отшатнулась подальше от смоляного крыла, которое оказалось перед самым носом.

– Попей водички, – произнесла птица.

– Ты разговариваешь, – наконец выдавила я из себя, понимая, как глупо и банально это звучит.

Ворон бросил на меня снисходительный взгляд и подхватил клювом ручку графина. Думала, уронит, разольет, но тот достал лапой стакан из-под стола и, балансируя на одной конечности, наполнил.

– Конечно р-разговариваю, – проговорил он трескучим вороньим голосом и протянул стакан. – С вами не только р-разговаривать, скор-ро одежду носить научусь. Вон, котов уже принудили, но мы пока дер-ржимся. Отстаиваем права.

Я нерешительно протянула руку к стакану. Птица довольно кивнула и отошла на пару шагов, наблюдая за мной. Пришлось забыть, что чашка все это время валялась по полу и отхлебнуть. Ворон что-то прокаркал и прошагал к свитку. Я подумала, что все-таки сплю, в наше время такой бумаги, из какой сделан свиток, не делают, разве что каким-нибудь реконструкторам на заказ.

– Я сплю? – поинтересовалась я, ставя стакан на пол.

Ворон устало вздохнул и вытянул крыло, такое огромное, что заняло пол комнаты.

– Каждый р-раз одно и тоже, – произнес он, сложив крыло. – Нет, дор-рогуша, не спишь. Все р-реально.

Голова снова пошла кругом, ушибленный нос запульсировал. Я мазнула под ним, проверяя – не потекло ли из ноздрей снова. К счастью, пальцы остались сухими. Минуты через две, кое-как собрав себя с мыслями, я выдохнула и прямо посмотрела на ворона.

– Та-ак, – протянула я, пытаюсь подняться, но конечности ослабели от нервов, получилось лишь поелозить ногами.

На столе мигнул компьютер, высветилась серая рамка. Кажется, пришло какое-то обновление. Я специально настраивала систему, чтоб само все делалось и меня не беспокоило. Но сейчас рамке я очень рада – это хоть что-то нормальное в такой безумной ситуации.

У стены пиликнул холодильник – еще один спаситель реальности. Я снова произнесла:

– Та-ак... Спасибо тебе... изобретатель фреона.

Птица устала наблюдать мое замешательство и направилась прямо к холодильнику. Ловко поддев носом щель между дверцей, ворон просунул голову и принялся чем-то шуметь.

– Ты кто вообще такой? – спросила я, понемногу приходя в себя. – И зачем лезешь в мой холодильник?

Из-за дверцы донеслось:

– Жалко что ли?

– Ну, – протянула я растерянно, – Не люблю, когда кто-то лезет в холодильник. Даже друзья себе такого не позволяют. Чаще сами еду приносят. А тут... Не знаю даже...

Ворон высунулся из-за дверцы, клюв перепачкан белым, судя по всему он беззастенчиво ел мою сметану. Вытеревшись крылом, птица закрыла холодильник и важно произнесла:

– Я один из бессмертных мудрецов, ворон Бир-рнан. По совместительству твой кар-рку-ратор.

– Каркуратор? – не поняла я.

Он сверкнул правым глазом и покачал головой.

– Не каркуратор, а просто кур-ратор. Я прокар-рживаюсь иногда.

Я потеряла лоб, пытаюсь сосредоточиться, но в голове каша, которая никак не хочет оформляться во что-то приличное.

– Вороний каркуратор, значит, – протянула я, таращась в никуда. – По имени Бирнан. Действительно. А я-то думаю... Как же это я сразу не догадалась. Гигантская говорящая птица, каркуратор...

Ворон одарил меня снисходительным взглядом и почесал лапой за головой. Послышался звук, какой получается, когда натираешь наждачкой дерево.

Птица произнесла:

– То же мне, новость. Говорящих вор-ронов не видела?

– Мне надо выпить, – проговорила я и, наконец, поднялась.

– Насколько мне известно, – сказал ворон наставительным тоном, – ты только что побывала в авар-рии, и употреблять алкоголь настр-рого запретили.

Ноги дрожат, сердце тарабанит, вот-вот выпрыгнет. Спина взмокла и блузка противно прилипает, наверное, пахнет тоже не очень.

Опасливо покосившись на птицу, я произнесла:

– Сначала авария, псих с машиной, теперь говорящая ворона. Что еще? Лепреконы?

Потом открыла шкафчик и вытащила бутылку виски. Несмотря на то, что вообще-то не пью, сейчас оно показалось в самый раз. Эту бутылку однажды притащила Наташа и приговорила половину за разговором.

Когда открыла крышку и поднесла горлышко к губам, в моем заторможенном мозгу шевельнулось подозрение. Я поставила бутылку и повернулась к птице. Та выжидательно смотрит на меня черным глазом и моргает.

– Ты откуда знаешь про все? – спросила я, застегивая пуговицу на блузке.

Пока спала, она расстегнулась и белье теперь на всеобщее обозрение. И хотя ворону, это, скорее всего, до лампочки, все-таки не уютно.

– Что именно?

– Ну, – сказала я, пытаюсь подобрать слова, – про день рождения, волосы. Что там еще было?

Бирнан с цоканьем запрыгнул на стол и покосился на фрамугу. Похоже, так и попал в квартиру. В лапе снова зажат сверток, клюв хищно блестит всего в метре от меня. Таким не только падаль рвать, можно и кого живого покалечить.

Солнце быстро катится к закату. На пятнадцатом этаже еще светло, но внизу сумерки. По улицам зажглись фонари, машины тоже засверкали фарами, наполнив улицу сиянием ночного города. В домах напротив светятся окна, правда, не все, только четыре. С их стороны темно, потому, что находятся супротив востока. Утром солнце бьет прямо в глаза, пока спишь. Я жила на солнечной стороне и знаю, как это. Так что жилье я себе нарочно выбрала окнами на запад. А чтобы вечерами не сидеть в полумраке, поставила светочувствительные лампы. Эти сами знают, когда темнеет, и включаются.

– Видишь ли, деточка, – начал ворон, – как твой кар-куратор, мне положено знать все, что с тобой происходит. Кроме того, я встретил Асмодея. Он все рассказал. Пр-ройдоха. Чуть не потеряли тебя из-за него. Стоило бы сообщить, но выкр-рутится, негодник. Сказал, его опер-редили.

От обилия невозможной информации во рту снова пересохло. Я подняла с пола стакан. Снова налила воды, махнув рукой на лужу посреди кухни, и сделала три больших глотка.

– Кто такой Асмодей? – спросила я, вытерев губы тыльной стороной ладони.

– Твой охр-ранник с темной стороны, – будничным тоном сообщил Бирнан. – Есть еще Каффриэль. Он от светлых. Но границы весьма условны. Хотя они очень бор-рются, чтобы переманивать др-руг у друга. Но ты сначала на инициацию прибуди. А там видно будет.

В словах ворона понятными остались только предлоги и наречия. К своему удивлению, я обнаружила, как трясутся пальцы. И лишь через секунду поняла – это от страха. Прежде всего за свой рассудок. Нервишки, и без того расшалившиеся, окатили меня волной тремора, я выдохнула и проговорила быстро и сбивчиво:

– Значит так, говорящая ворона, или как тебя там. Каркуратор. Кто эти люди? Почему меня вдруг надо охранять, что ты курируешь? Какая инициация, и какого черта от меня надо?

От спешки дыхание зашло, меня тряхнуло ознобом, а пальцы похолодели – можно рыбу морозить. Мысленно я попыталась храбриться, утешаясь тем, что пережила стремительный развод, попала в аварию. Мало ли что может привидеться. На всякий случай, зажмурилась в надежде, что громадная птица – лишь плод моего воспаленного воображения. Но, когда разлепила веки, ворона передо мной никуда не делась и продолжает вглядываться большими маслянистыми глазами.

Птица тем временем переступила с ноги на ногу и произнесла, глядя сквозь фрамугу на быстро потухающее небо:

– Хор-рошо. Давай сначала. Сегодня в твою машину влетела другая. И ты чудом осталась жива. Но это никакое не чудо, а слаженная работа системы безопасности. До тех пор, пока не получишь инициирование, тебя положено охр-ранять, потому, что все хотят пер-ретянуть на свою сторону как можно больше союзников. Но, как уже говорил, гр-раницы условны. Светлая сторона порой делает такие вещи, от котор-рых стынет кровь у самых темных пр-редставителей. Бывает и наоборот. Но тебя заставят выбир-рать.

Легче не становилось. Я сдавила виски пальцами и проговорила с нажимом:

– Ничего не поняла.

Глаза Бирнана сверкнули, стало жутко, потому что солнце село и в полумраке неярких фонарей мой кухни мерцающие глаза ворона пугают до чертиков.

Ворон тем временем воздел крылья к потолку и взмолился:

– За что мне это!

После чего снова уставился во фрамугу со словами:

– Скажи, замечала ли в последнее время: как ни пожелаешь от души что-нибудь, так оно сбывается. Пор-рой очень быстр-ро.

Мне осталось только озадаченно помычать, припоминая сегодняшнего мужика с перевернутым кофе.

– Ну, допустим, – неуверенно проговорила я.

Ворон довольно закряхтел и продолжил:

– Этому есть очень пр-ростое объяснение. Едва нар-рожденной исполняется двадцать пять, ее сила впер-рвые просыпается. Мне, как кар-куратору, положено выдать инвентар-рь. Его не много, зато надежный и постоянный. В будущем можешь заменить, если очень пр-риспичит. Но это делают редко.

Он постучал клювом по столу, затем поднял голову и кивнул в угол холодильника. Между ним и стеной, оперевшись на черенок, стоит обычная метла, какими пользуются дворники. Спрашивать, откуда взялась, не стала, чтобы не перегружать свой и так напряженный мозг.

– В подметальщицы не нанималась, – бросила я, кутаясь в блузку, потому что комната все-таки настыла. – Слава богу, денег хватает свести концы с концами.

Крылья ворона снова поднялись в молебном жесте, он затряс ими, рискуя скинуть несчастный графин.

– Да что ж ты такая непонятливая, – простонал он. – Подметать ею можно. Но, насколько знаю, так в наших краях метлу используют не часто. Скорость ты любишь, а транспор-рта больше нет. Так что пр-ринимай обнову.

Пока я тупо пялилась на дворничий инструмент, Бирнан порылся еще где-то и вытащил прямо из воздуха черный сверток, увенчанный остроконечной шляпой.

Я одурело вытаращилась на него. Когда сверток оказался на столе, ворон запрыгнул на бортик фрамуги. Его голова вскинулась, в черных глазах мелькнуло недовольство, будто птице очень не терпится распрощаться со мной.

– На инициацию положено прибывать в форме. Одежду надо пр-роветрить, долго лежала в сундуке, – проговорил он, глядя через крыло. – Сама не летай. Не инициированные ведьмы должны летать только в сопр-ровожении. Чтобы стать настоящей наездницей метлы, нужно учиться.

Я спросила запинаясь:

– Что за инициация?

– Испытание ведьмы. Какое, знают только высшие ведьмы. Сами его назначают. Позже сообщу место. Все будет в пор-рядке, главное, не попадись инквизиторам. Они и так уже охотятся на тебя.

Он развернулся и присел, чтобы оттолкнуться, но в последний момент оглянулся через плечо и прокаркал:

– А, и еще. Будь осторожна с Асмодеем. Он умеет сманивать на свою сторону. Хотелось бы честного выбора хотя бы в этот р-раз.

– Да кто он такой? – не выдержала я.

Бирнан сверкнул левым глазом и сказал:

– Он домой тебя пр-ривез.

С этими словами он кинулся вниз, слышались мерные хлопки крыльев.

Глава 3

Ворон скрылся, а я все еще пялилась в окно. На улице стемнело, на небе зажглись звезды, необычно яркие из-за того, что квартира на пятнадцатом этаже.

Стараясь привести в порядок мысли, я все-таки отхлебнула из бутылки. Жгучая жидкость потекла в горло, я закашлялась и убрала виски в шкаф.

Холодильник снова пиликнул и загудел, включился ледогенератор. На столе после ворона остались черный сверток одежды со шляпой, а у стены метла. Я оглядела это богатство и нервно усмехнулась. Потом, стараясь не смотреть ни на то, ни на другое, подошла к компу и пошевелила мышкой. Свет от монитора уже не так режет глаза. Значит, исцеляюсь.

Пальцы быстро набрали в поисковике «огромный ворон». Нашлось куча ссылок, но все про самых обычных птиц. Как кормить, ухаживать, анатомическое строение и видео с говорящими экземплярами.

Просмотрела и скривилась. Эти говорилки ни в какое сравнение не шли с гигантом, который только что расхаживал по квартире. Кроме этого, нашла сонники и веера из птичьих перьев, но сие вообще в другую степь.

Оставив попытки разобраться с птицей, напечатала слово «Асмодей» и нажала «энтер». На экране запестрило от разнообразной информации. Даже рот раскрылся. Когда обнаружила послушной список незнакомца, поняла, почему ворон предостерег от проявления чувств к парню-не-парню.

Я тыкала на каждую ссылку и читала про то, какой он блудливый, похотливый и развратный. Хотя, когда вспомнила его бицепсы и загадочный блеск в глазах, поняла, что другим он быть просто не может. Но вот картинки интернета показывают Асмодея очень разным, хотя ни одна не похожа на оригинал.

Про Кафриэля почти ничего не нашла. Только какие-то эзотерические ссылки. Ни картинок, ни информации. Словно скрывается.

Поймав себя на мысли, что начала верить в происходящее, я отодвинулась от компьютера и посмотрела на холодильник. За ним у стены метла. Отсюда не видно, но именно там оставил ее ворон.

– Хуже могут быть только инопланетяне, – сообщила я себе и вздохнув, наклонилась, чтобы глянуть на метлу.

Минут пять сидела и таращилась на нее, соображая, как в один короткий день уместилось столько событий, которые перевернули жизнь с ног на голову. Потом любопытство пересилило рационализм, я поднялась и на носочках приблизилась к агрегату. Выглянув из-за дверцы, придирчиво оглядела мирно стоящее помело.

Выглядит как обычная метелка. Если положить рядом с дворничьей – не отличишь. Кривой черенок, туго перетянутые веревкой прутья.

Еще немного помедлила. Затем пальцы сомкнулись на черенке. Я покрутила метлу в руках, разглядывая трещинки, и зажала его между ног.

Метелка безжизненно торчит деревяшкой в потолок, приходится придерживать, чтоб не упала.

Я вздохнула и скривилась.

– Ну конечно, – пробормотала я. – Чего и следовало ожидать. Меня разыграли. Не знаю, как придумали с вороной, но водитель был убедителен.

В темноте окна увидела свое отражение и усмехнулась. Стою посреди комнаты в джинсах и грязной блузке, спереди торчит черенок, сзади – помело. Светочувствительные лампы в стенах подсвечивают снизу, длинные волосы растрепаны. Ну точно ведьма.

Для пущей комичности я подняла руку на манер супермена и проговорила воинственно:
– Лети!

Метла дернулась и больно врезалась в причинное место. Я ойкнула и завалилась вперед, вцепившись в деревяшку. В этот момент ноги оторвались от пола, а я зависла в середине комнаты, не зная, как извернуться, чтобы в самом нежном месте перестало давить.

– Мать вашу... – вырвалось у меня, когда подумала, что хочу обратно на пол.

Метла послушно опустилась. Я перекинула ногу и отбежала в другой конец комнаты, испуганно таращась на приспособление, которое все еще висит в воздухе.

Я прошептала едва слышно:

– Выходит, не разыграли...

Стараясь не подходить близко к левитирующей метелке, я пробралась к компу. Конец черенка повернулся за мной, словно наблюдает невидимым глазом.

Трясущимися пальцами, набрала в поисковике запрос на тему метел. Нашла кучу хозяйственных магазинов, литературные образы и почему-то гитарную мастерскую.

– Что таращишься, – проговорила я, нервно косясь на черенок. – Видишь, я боюсь. Иди в свой угол за холодильник.

Аппарат послушно развернулся и поплыл к стене, а я проводила его изумленным взглядом, не ожидая повиновения.

Через пару минут я напряженно мерила шагами комнату, не зная, как быть с ситуацией. Шум, доносящийся из-за стены соседней квартиры, процессу конструктивного обдумывания не способствует. Видать поминки устроили. Как вовремя. Обычно заказывают кафе или ресторан, но эти остались дома, и теперь громко причитают, успевая звякать рюмками и тарелками.

Сопоставив события, факты и улики, понемногу пришлось признать – ворона действительно говорящая, а охранников ко мне и правда приставили. Причем, по словам вороны, демона и ангела.

–

Опупеть, – констатировала я себе.

Осторожно приблизившись к холодильнику, обошла его по дуге и встала напротив метлы. Та спокойно стоит, прижавшись к стене, и выглядит как нормальная, за исключением прутика, который дергается у самого пола. Но судьба, видимо, решила, что живой метлы, говорящих ворон и красавчиков-демонов на сегодня мне недостаточно. Потому, что слева донеслось скромное:

– Извините, не подскажете, где здесь выход?

По шее моей пробежал холодок. Медленно, стараясь не совершать резких движений, я повернулась и, конечно же, заорала.

И вот почему.

Над полом возле кровати покачивается прозрачная фигура соседа. Знакома я с ним не была, но иногда встречала на лестничной клетке. Дедуля при жизни был молчаливым и кормил дворовых кошек. Теперь он у меня в комнате в качестве бестелесной фигуры покачивается над полом и смотрит бледными глазами.

– Почему вы кричите? – спросил он заинтересованно.

Орать я перестала моментально и схватила первое, что попало под руку. Подручным средством оказалась метла, которая хоть и ненормальная, но для махания вполне сойдет.

– Потому, что ты умер! – выдохнула я самозабвенно, выставив перед собой метлу прутьями вперед.

Брови призрака поднялись, рот открылся, он недоуменно вытаращился и проговорил:

– Умер? Нет, вы что-то путаете. У нас в квартире праздник, собралась куча народа. Только не помню, по какому поводу. Кажется, девятое мая. Но есть небольшая проблема. Хочу выйти, а двери найти не могу.

Меня заколотило, но силы орать на призрака это только прибавило.

– Потому, что ты умер! – снова выкрикнула я, тыкая в него метлой. – Это не праздник, а поминки!

Призрак качнулся, взгляд остановился на ворохе одежды и шляпе. Он несколько секунд пялился в одну точку, затем лицо стало печальным.

– Значит, случилось, – произнес он скорбно. – А я надеялся посмотреть, как мои муравьишки в новом формикарии будут тоннель строить. Эх...

Он так осунулся, что мне стало жалко почившего. Висит в воздухе, как неприкаянная душа, плечи поникшие, голова повисла. Да к тому же не помнит, как помер.

Несколько минут длилось молчание. Я пыталась сообразить, что делать и в каком момент мой ум принял факт существования призраков. Почивший тем временем качался и смотрел на остроконечную шляпу. Наконец, поняв, что призрак безопасен, а повлиять на изменившуюся реальность не могу, я опустила метлу и отошла к столу с недопитым стаканом. Осушив его в три глотка, вытерла лицо, больно зацепив нос, и провела ладонью по волосам.

– Так, – прошептала я, чтобы умерший сосед не услышал. – Надо успокоиться. Ну, призрак, что тут такого. Никто же не доказал, что их нет. Я же его вижу. Раз есть говорящие вороны, демоны с ангелами, почему не существовать призракам? Конечно... Призрак... Чего тут такого...

В голову пришла неожиданная идея. Ладонь сама опустилась в карман, но тот оказался пуст. Я тревожно забегала глазами в поисках мобильного и обнаружила его на кровати, ибо сама бросила его туда перед сном. Медленными шагами я двинулась к койке, стараясь держаться левее, чтобы не приближаться к призраку. Когда оказалась у кровати, быстро схватила телефон и отскочила назад с победным возгласом:

– А-га!

Умерший сосед поднял безразличный взгляд, и мне стало неловко.

– Эээ, – проблеяла я. – Вы позволите сделать кадр?

Сосед пожал плечами.

Я открыла приложение камеры. Фокус долго отказывался наводиться, все время сползал и исчезал в самый неподходящий момент. Когда я все же нажала на кнопку, экран засветился. После семи безуспешных попыток поняла, что сделать сенсацию не удастся.

Лицо почившего, который все это время скорбно и печально созерцал мои потуги, окончательно меня смутило.

– Вам может помощь нужна какая? – спросила я неуверенно.

Его взгляд просветлел. В прозрачных глазах сверкнуло подобие надежды, но из-за нечеткости его призрачного тела, ее легко спутать с бликами света.

– Мне бы выход найти, – проговорил он и сцепил пальцы в молебном жесте.

– А вам куда надо? – поинтересовалась я озадаченно, не представляя, что говорить, когда сообщит место назначения.

Старик задумался и поплыл по комнате. Я сделала пару шагов назад, потому что еще не до конца смирилась с происходящим, а призрак завис на середине и потер подбородок.

– Хороший вопрос, – произнес он. – Направления не помню. Знаю лишь, что надо куда-то выйти.

– Ну, может, видели свет в конце тоннеля или серафимов каких-нибудь? – предположила я.

Призрак снова задумался, потом покачал головой.

– Нет, – проговорил он. – Ничего такого.

Я нервно поправила воротник блузки и убрала телефон в карман. В другой руке метла, ладонь взмокла, и держать неудобно. Пришлось переложить. Чувствую себя, как в каком-то фантастическом сериале.

– Знаете, – начала я, сглотнув пересошим языком, – про загробный мир мне мало известно. Пять минут назад в него вообще не верила. Но думаю, вам стоит подождать возле тела.

– На кладбище что ли?

– Ну а что поделаться, – сказала я и развела руками. – Не в квартире же вам сидеть, живых пугать.

Призрак вздохнул еще печальней и произнес:

– Они испугаются?

У меня чуть метла из рук не выпала.

– Даже я испугалась. А меня сегодня уже не просто напугать.

– Что ж, – проговорил умерший. – Пойду на кладбище.

С этими словами он развернулся и погрузился в пол.

А я, в который раз вытерев лицо и стараясь не задеть несчастный нос, подошла к зеркалу. Волосы растрепанные, точно солома, переносица залеплена, под глазами круги. На блузке красное пятно, видимо еще в машине попало. Скривившись, я отвернулась. На глаза попался сверток, который оставил ворон.

– Час от часу не легче, – проговорила я тихо. – Ну что ж, поглядим...

Подойдя к столу, поставила метлу и развернула ворох. Шляпу пока оставила, придет и ее время. Думала, там какое-нибудь тряпье, но оказалось вполне приличное черное платье в пол с пуговицами от низа до самого горла.

Расстегнув несколько верхних, я скинула блузку и влезла в наряд. Из отражения в окне на меня глянула настоящая королева Хэллоуина. Платье сшито по фигуре, к низу расходится. Рукава, правда, длинные и пуговицы до подбородка, но можно не застегивать. Материал тоже приятный, вроде бархат, но не такой ворсистый. И волосы красиво контрастируют.

Затем примерила шляпу, которая показалась самым важным предметом гардероба. Бережно водрузила ее на голову, полагая, что свалится, но она быстро приняла нужную форму и размер.

–

Надо же, – пробормотала я.

С трудом веря, что вырядилась в такое, покрутилась перед окном. Хотела сфотографировать, да телефон в джинсах под платьем, а лезть неудобно.

– Метла? – недоверчиво произнесла я.

Черенок шевельнулся и направился кончиком на меня, будто у него там глаза. Или глаз. После чего, чиркнув помелом, аппарат принял вертикальное положение и с готовностью замер.

– Вообще-то, круто, – согласилась я. – Управлять голосом не все технологии умеют. А мыслями подавно.

Забыв, что не верю в паранормальную чепуху, привидений, говорящий ворон и остальное мракобесие, я подбежала к кровати и схватила подушку. Затем вернулась и положила на черенок. Усевшись верхом, я ухватилась за деревяшку и легла на живот. Не успела подумать, как метла поднялась на метр.

– Ой-й...

Подушка помогла не сильно. Между ног все равно давит, словно намерена пополам рассечь. Пришлось наклониться вперед, поджав колени, и зацепиться стопами за помело, чтобы уменьшить нажим.

Зазвонил телефон, в кармане завибрировало.

– Вот мне только по телефону сейчас разговаривать, – выдавила я, сдувая прядь со лба и ожидая, пока телефон замолкнет.

Потом подумала о полете. Метла, повинувшись мыслям, поднялась выше и поплыла под потолком. А у меня на смену страху и скепсису пришел восторг: «Это метла. Настоящая ведьминская метла. А на мне ведьминский наряд».

Вылететь во фрамугу не решилась из-за высоты пятнадцатого этажа. Но полетать по настоящему очень захотелось.

Помело слушалось беспрекословно. Медленно подлетев к двери, я посмотрела в глазок. На лестничной клетке пусто, но я решила спуститься пешком, чтобы не довести консьержку до приступа видом летящей на метле женщины.

Пришлось опуститься и слезть с черенка, затем сунуть подушку подмышку и выйти в коридор. В лифте, на мое счастье, тоже оказалось пусто, и я спокойно поехала вниз.

На шестом этаже движение остановилось. Когда створки разошлись, передо мной предстал долговязый парень лет восемнадцати. Волосы выкрашены в угольный, кожа бледная, в носу и губе пирсинг. Сам закутан в черное по новой готической моде.

Он с любопытством посмотрел на меня и вошел в лифт. Двери закрылись, кабина поехала вниз.

Я старалась выглядеть непринужденной. Ну девица, ну в платье и колпаке, ну с метлой. Что тут такого? Парень переминался с ноги на ногу, нервно дергая плечами. Чувствую, как ему хочется обернуться, вон аж пальцы подрагивают, посмотреть на блондинку в костюме ведьмы с подушкой и метлой в руках.

Но парень держится. Зато меня напряжение стало напрягать и я проговорила убежденно:
– Косплей.

Парень понимающе кивнул. Когда лифт приехал на первый этаж, я буквально выбежала, оттолкнув его метлой. Окно консьержки к моему облегчению оказалось закрытым, что избавило от неудобных вопросов. Пришлось бы врать.

Я нажала внутреннюю кнопку домофона, раздался протяжный писк и дверь открылась, выпуская меня наружу. Вечерний воздух совсем не весенний, и я обругала себя за то, что не взяла пальто. Но через минуту с удивлением обнаружила, что платье вполне справляется с функцией обогрева. Зябнут лишь пальцы и щеки.

Двор хорошо освещен, недавно поставили новые фонари в дополнение к обычным. Эти на солнечных батареях или что-то вроде того.

Быстро застегнувшись до подбородка, я быстрым шагом направилась к кустам шиповника, под которыми любят собираться местные пьяницы. Но сегодня вторник и у них выходной.

Снова запищала дверь, во двор вышел всё тот же готичный парень и крикнул мне вслед:
– Дайте номерок, где костюм брали!

Я закивала и помахала рукой, желая поскорее избавиться от него.

– Да-да, попозже. Пока занята.

– А как я вас потом найду? – не понял готичный парень.

– У консьержки номер оставляю, – соврала я.

Гот широко улыбнулся, совсем не «готишно», и крикнул:

– Е-ее!

Потом воткнул наушники и пошел по тротуару в сторону парка. Когда удалился на достаточное расстояние, я на цыпочках подбежала к кустам и положила метлу на воздух. Та послушно зависла, вильнув прутиком.

Убедившись, что рядом никого нет, я водрузила подушку и вскарабкалась на черенок. Пришлось снова улечься, чтобы уменьшить дискомфорт.

– Кто вообще придумал летать на метлах? – бормотала я и ерзала. – Почему нельзя было сделать летающий стул или тахту?

В кустах зашуршало, я с ужасом замерла, надеясь, что вылезет пьяница, чтобы можно было списать на белую горячку. Но к моему облегчению в ветках сверкнули два глаза, за ними показалась рыжая мордочка. Кошка высунула лапку и осторожно выскользнула из зарослей.

Я выдохнула.

– Напугала.

Кошка задрала хвост и демонстративно прошагала на другую сторону тротуара. Подойдя к решетке на подвальном окне, она оглянулась на меня и скрылась в проеме. А я вытерла лоб дрожащими пальцами. Как оказывается трудно сохранять конспирацию на улице.

Со стороны автобусной остановки послышался стук каблуков и неразборчивое мужское бормотание. Парочка довольно переговаривается, быстро приближаясь. Офисные работники спешат домой, к компьютерам, будто на работе не хватило.

Чтобы не столкнуться с очередными прохожими, я уселась поудобней и скомандовала:

– Вверх!

Можно было и не произносить. Уже поняла, метла от одних мыслей приходит в движение, но почему-то захотелось сказать. Так что к небу меня понесло с бешеной скоростью, через пару мгновений деревья остались далеко внизу, а спустя еще несколько секунд, под ногами мелькнула крыша моего дома и скрылась в черноте.

Внутри все упало, я вцепилась в черенок и зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли цветные пятна. От скоростного подъема заложило уши, пришлось судорожно глотать и зевать. Твою ж за копыто... Мой страх взлетать с пятнадцатого этажа – детский сад, штаны на лямках.

Пальцы заledenели, порывы ветра, непонятно откуда взявшегося, вот-вот выдуют душу из тела. Доверие к метеорологам упало в ноль, а грудную клетку сдавил ужас.

Потом холод усилился, даже чудо-платье не спасает. Кончик болящего носа замерз так, что перестала чувствовать. Щеки стянуло. Хотела потереть, но пальцы деревянные и не гнутся. Успела слабо порадоваться, что под платьем остались джинсы. Так бы вообще околела.

– Х-хол-лодно...

Приоткрыв глаза, увидела сияющее золотом пятно в черноте. Голова кружится, дышать до того трудно, что картинка двоится. Несколько секунд таранилась на пылающий диск. А когда дошло, что это город, маленький и продолжающий уменьшаться, от страха чуть не свалилась с черенка.

– Снижайся! – заорала я не своим голосом. – Вниз!

Меня тряхнуло и едва не сорвало с метлы. Желудок подскочил к горлу, хотя завтрак давно переварился. Пылающий диск качнулся и понесся на встречу. В ушах свист, полы платья трепыхаются, волосы под шляпой, которая словно приклеилась к голове, вытянулись и, кажется, заledenели в таком положении.

Диск быстро превратился в огромное озеро и продолжает расти. Я изо всех сил сжимаю губы, чтобы не вывернуло как у бульдога. Глаза мокрые, но слезы не успевают стекать – их срывает и размазывает по вискам.

Когда внизу стали различаться дома, дошло, что я со всей дури несусь к асфальту и через несколько секунд расшибусь в лепешку.

– Сто-ой! – завопила я.

Метла резко остановилась. Черенок больно впился в нежное место и живот, даже подушка не спасла. Вдобавок, стукнулась подбородком.

Минут пять я просто лежала на метле и переводила дух. Крыши домов теряются в темноте, по дорогам ползут крошечные машинки с горящими фарами. Свет фонарей заливают улицы. Именно он делает город похожим на пылающий диск с высоты птичьего полета. Я вишу в воздухе на километровой высоте, полы платья треплет ветер, а мои зубы выстукивают частую дробь.

Наконец, попробовала шевельнуть пальцами. От скоростного замораживания они белые и не хотят подчиняться. Волосы совсем потеряли форму и висят сосульками.

– А говорили, этот лак для укладки выдерживает любую погоду, – пробормотала я замерзшими губами. – Они просто на метлах не летали...

Когда сердце перестало тарабанить, как у испуганной мыши, я спустилась еще немного и полетела прямо над домами. Теперь расстояние до земли в пятьсот метров не кажется большим – истину, что все познается в сравнении, я прочувствовала нутром.

Метла движется совершенно бесшумно. Если у нее и есть моторчик, то неизвестный современной физике. По началу, я боялась, что кто-то заметит летящую в небе девку, но потом поняла – люди редко отрывают взгляд от земли. Все больше в телефонах даже на ходу. Если кто-то и посмотрит – на мне черная форма, благодаря которой сливаюсь с фоном.

Спустя полчаса бесцельного полета, пальцы оттаяли и снова стали слушаться. Я отлепила их от черенка и сунула подмышки, плюнув на давящее в причинное место древко. Ладони закололо, как когда возвращаешься с мороза и подставляешь ооченевшую конечность под горячую воду. Чтобы держаться стопами за помело, пришлось прогнуться в спине. Наверное, со стороны напоминаю лебедя. Прекрасного черного лебедя.

– Метё-ёлочка, – ласково проговорила я. – Ты хорошая. Быстрая. Я только холод не люблю. А скорость люблю.

Метла будто поняла, качнулась и легонько закивала передним краем.

– Ты живая что ли? – не поверила я.

Черенок снова кивнул.

Я вытащила ладони и обхватила пальцами чудесное древко. Если бы утром кто-нибудь сказал, что буду летать на метле в ведьминской шляпе – позвонила бы в дурдом и сдала бы бедолагу на принудительное лечение.

Пролетев еще немного, заметила, что освещение внизу стало ярче. Значит, я где-то над центром. Тут и машины круче, и у заведений вывески больше, и сами заведения серьезные. За один вечер можно оставить две зарплаты, а учитывая, что сейчас не работаю, мне там вообще делать нечего.

Тем не менее, рискуя быть замеченной, я спустилась на уровень третьего этажа и спряталась в ветвях огромной липы. Прямо под ней вход в заведение с говорящим названием «Шест».

У порога громила в строгом пальто, из уха торчит закрученный проводок. Лицо такое, словно целиком сожрал лимон, но делает вид, что понравилось. Рядом толпятся те, кто хочет попасть внутрь. Удастся не всем – вышибала тщательно сверяет паспортные данные со списком и сортирует посетителей.

Наблюдать за громилой и теми, кому не повезло с проходкой, не стала. Чего я там не видела. Только собралась подняться выше, как дверь открылась и на порог вышел высокий черноволосый красавец. Он что-то шепнул охраннику, тот кивнул, и две брюнетки проскользнули в проход.

Даже с такого расстояния я смогла уловить харизму мужчины. Плечи широкие, под рукавами футболки перекачиваются валики мышц. Значит, следит за собой. Наверняка знает, что нравится женщинам. Но когда он повернулся, на ткани мелькнул принт в виде смайлика-чертенка, я выпучила глаза и выдохнула:

– Асмодей!

Мне казалось, сказала я очень тихо, но Асмодей поднял голову и завертел по сторонам. Не думала, что обнаружит меня, но он, словно сканером, прошелся по кронам и остановил взгляд на ветках липы.

В памяти моей быстро всплыли слова ворона о нем. В первую очередь, этот мужчина не просто водитель, спасший меня сегодня, а демон, который с утра почти довел меня до истерики своей околесицей.

Тем временем мужчина подошел к стволу и задрал голову.

– Катаешься? – спросил он и ослепительно улыбнулся.

Пришлось вцепиться в черенок, чтобы не упасть. Вот что имел в виду каркуратор, когда говорил об осторожности. Такого притягательного лица в жизни не встречала, а от улыбки можно сразу падать с метлы в объятия этого нечистого.

Я постаралась придать себе самый безразличный вид, хотя это сложно, когда в зад давит метла, а снизу на это смотрит обворожительный мужчина.

– Да вот, выбралась полетать, – сказала я первое, что пришло в голову.

Прозвучало неубедительно, но Асмодея хмыкнул и помахал, чтоб спускалась.

– Идем, – проговорил он по-хозяйски. – Нальем тебе сока.

Глава 4

Как спуститься на метле и не привлечь внимания не придумала, поэтому осталась парить в ветках и сделала вид, что не слышала. Но подул ветерок, ветка больно стукнула и без того несчастный нос. Я ойкнула и сдала назад, цепляясь помелом за листья.

Когда выбралась из липы, Асмодей снова заговорил:

– Что ты там делаешь? Понимаю, метла, полеты и все такое. Но если не хочешь спускаться, я пошел.

Почему-то думала, он станет уговаривать и выпрашивать, а я всеми силами должна отнекиваться, как приличная леди. Но глаза Асмодея сверкнули в темноте, он выжидательно посмотрел на меня, уперев кулаки в бока. Молчание длилось пару минут. Когда красавец развернулся в сторону входа, до меня, наконец, дошло – упрасивать меня никто не собирается и сейчас я останусь парить в гордом одиночестве.

– Подожди! – крикнула я и запоздало зажала рот ладонью, боясь, что услышат остальные.

Но народ увлечен попытками прорваться в заведение, и мой голос утонул в требованиях немедленно пропустить.

Асмодей остановился и стал ждать, пока я опускаюсь в тени у стены. Черный цвет платья и его дивную способность скрывать лишнее я оценила сразу, хотя прежде особо не любила за мрачность.

Когда ноги коснулись земли, я облегченно выдохнула и подумала: потребуется время, чтобы привыкнуть, к миру, который разверзся передо мной. Метла тем временем плавно приняла вертикальное положение, черенок покорно лег в ладонь, скинув подушку, а я подняла взгляд и в замешательстве глянула на красавца.

Тот несколько секунд продолжал стоять спиной ко мне и ждать, видимо думая, что подойду. Но подходить к ночному клубу в ведьминском платье и метлой я не решалась. Тогда Асмодей все же обернулся. Лицо удивленное, губы плотно сжаты. Не отразим, как подземное божество, которое не знает поражений и оставляет глубокие шрамы в покоренных душах. Колени, помимо воли, стали ватными, но помня слова каркуратора, смогла удержаться, чтобы не броситься ему на шею.

Пока я тарашилась, демон всплеснул руками и произнес:

– Долго там стоять будешь? Сейчас толпа на входе совсем с ума сойдет. Не пролезем.

– А как я в таком виде пойду? – проговорила я хриплым шепотом и тут же прокашлялась. – И с этим.

Я кивнула себе под ноги. Он опустил взгляд, а когда увидел подушку, брови взлетели на лоб. Секунду пялился, потом прыснул от смеха.

– Ну даешь! – выдавил Асмодей, схватившись за живот. – Сколько новорожденных видел, но такого – ни разу.

Мне стало обидно. Настолько, что захотелось развернуться и улететь, несмотря на запрет каркуратора летать без сопровождения, который и так нарушила.

Я пробормотала:

– Что ты ржешь, как конь ретивый? Я чуть в стратосферу не улетела. Или в какую-то другую сферу.

– Страто... – хохотал демон. – Ууу... В страто... на подушке...

Еще больше дуясь, я подняла подушку. Сунув ее подмышку, выступила из тени и сказала с вызовом:

– А что? Разве никто не додумался подложить что-то мягкое под зад? И под перед. Ты вообще пробовал на этом летать?

Асмодей с трудом унял смех и вытер глаза двумя пальцами.

– Нет, – сказал он, выдыхая. – Судьба миловала.

– То-то и оно, – проговорила я. – Деревяшка врезается, хоть плачь. Не могли сидение привязать? Или хоть перекладину прибить?

Он не ответил, только покачал головой. Ладонь демона скользнула по волосам, он хрустнул шеей и ладонью подозвал к себе. Я несколько секунд колебалась, прикидывая, если он все же псих, то отбиться от него будет крайне сложно. В первую встречу он казался шуплым, но сейчас передо мной мужчина хорошей комплекции, а сквозь обтягивающую футболку проступают кубики пресса. По словам Бирнана, он вообще посланник ада.

Я прислушалась к себе, надеясь уловить отголоски страха или паники, но обнаружила, что единственный волнующий меня вопрос – это неподобающий для клуба наряд.

– Ну? – не выдержал Асмодей и подался вперед.

После полета мои мышцы затекли, замерзшие конечности тоже плохо слушаются, но все же я нерешительно приблизилась к нему. Когда оказалась возле черноглазого, тот цапнул за руку и потащил ко входу.

О его прикосновения под кожей прокатилась горячая волна, которая моментально выгнала остатки холода после полета. Я задохнулась от прилива чувств и стала считать дробь, чтобы от этих чувств избавиться.

– Наконец-то, – тем временем бубнил Асмодей, пока волок меня к клубу. – Думал, так и будешь стоять истуканом возле собачьей кучи. Еще огрызается. Буйная ты наша. Давно таких не было. Чую, не соскучиться нам с тобой.

Хотела ответить, что вообще-то не просилась к ним в кружок, но мы подошли ко входу, и шум толпы заглушил даже гул машин.

В кино я часто видела, какая давка бывает возле крутых заведений, но никогда не думала, что сама в нее попаду. За наряд и метлу беспокоилась зря – всем глубоко плевать. Глаза горят, рты искривлены, люди трясут билетами, паспортами и еще какими-то бумажками.

Глядя на это, решила, что нас затопчут еще в начале. Но Асмодей дернул меня к себе и прижал к груди, как куклу, приподняв над землей. Мой перебитый нос уткнулся в футболку, я простонала и попыталась вывернуться, но демон держит крепко, и щека все равно прижата к его торсу. Голова пошла кругом, колени стали ватными, едва не выпустил из пальцев черенок. Когда вдохнула его одуряющий запах, подумала, взгляд у меня сейчас глупый, как у школьницы.

Чтобы избавиться от наваждения, снова начала умножать в уме трехзначные числа, пока демон тараном персквозь толпу. Народ пытается возмущаться, но едва люди поднимают взгляды на Асмодеев, тут же испуганно шарахаются.

Когда люди остались позади, Асмодей внес меня на порог и поставил. Едва убрал руки, как наваждение исчезло, хотя в носу все еще витает его аромат, дерзкий и будоражащий. Но если на демона не смотреть, жар в теле остывает.

– Нарожденная, – шепнул Асмодей охраннику.

Тот покосился на меня, в глазах мелькнуло удивление, но лицо осталось невозмутимым. Затем кивнул, и мы вошли.

Густой полумрак охватил, как заботливая мать. Музыка шумит, но по ушам не бьет, даже можно разговаривать. Я ожидала запаха сигаретного дыма, но воздух на удивление чистый. С потолка стреляют лучи света, оставляя на толпе танцующих искаженные блики, народа не много, видимо, вышибала у входа знает свое дело.

Хотела поставить метлу в углу у гардероба. Но когда увидела круглые глаза Асмодеев, увидевшего, как я пытаюсь примостить черенок, поняла, что метлы без присмотра не бросают.

После такого взгляда, шляпу тоже решила не сдавать.

Мимо пробежала миниатюрная девушка с подносом в такой короткой юбке, что все наружу. На блюде три бокала с мартини, его всегда подают в треугольных фужерах и с оливкой внутри.

Асмодей придержал ее за плечо, она лучезарно улыбнулась и подняла блюдо к подбородку. Он взял два, но оглянувшись на меня, один поставил и что-то прошептал ей на ухо. Официантка скользнула по мне лукавым взглядом, хихикнула и убежала, сверкая бельем.

– Знакомая? – спросила я.

Он хмыкнул.

– Совсем не важно, знакомы мы или нет.

– А что важно?

– Что она выполнит любую мою просьбу.

Взяв под локоть, демон потащил меня через весь зал к темному углу. Стало не по себе. Новую волну жара, которая прокатилась до самых пяток от его прикосновения, я подавила невероятным усилием воли, но в толпе почувствовала себя защищеннее, решив, он не станет делать глупости на глазах людей.

Чтобы не сталкиваться с танцующими, приходилось обходить их за колоннами, которые в темноте незаметны и становятся видны лишь когда падает луч прожектора.

Наконец, толкотня осталась позади. Мы вышли к небольшому столику, уютно спрятанному в углублении стены. На них едва светятся красные лампы, поэтому издали кажется, что здесь пустой, темный угол.

Легонько подтолкнув меня к диванчику, Асмодей сел напротив и поставил бокал. Я опустилась на мягкое сидение. Метлу решила не выпускать, во избежание гневных взглядов надзирателя. Аккуратно положив ее на колени, откинулась на спинку. Шляпу и подушку бросила в угол на диван, чтоб были незаметны.

Когда глянула на Асмодея, к щекам снова прилило тепло, во рту пересохло. Захотелось вскочить и убежать на другой континент от его глаз, которые смотрят не мигая, словно в темноте видят лучше, чем днем. Очень странные эффекты накладывает на меня сей экземпляр однако.

Музыка в этом закутке звучит приглушенно, можно даже по телефону спокойно говорить. По таким мелочам понимаешь, дорогое место или нет.

Я пыталась выглядеть непринужденно, но внимание Асмодея заставляет ёрзать, а взгляд сползает на дорожную, выдержанную в минималистическом стиле отделку клуба. Все-таки я не каждый день бываю в таких местах. Стол под синий мрамор, кожаные диваны, тоже синие. По стенам похожие на ночники вытянутые лампы подернуты багровым светом.

Демон отхлебнул из бокала и, наконец, прервал молчание.

– Бирнан разве не предупреждал, чтоб далеко не летала? – спросил он.

Я подняла на него взгляд и подумала, что в эти глаза долго лучше не смотреть.

– Он о всяком предупреждал, – многозначительно ответила я.

Асмодей хмыкнул. Подбежала официантка, и передо мной оказался стакан с мутной оранжевой жидкостью.

– Апельсиновый, – сообщила девушка улыбаясь, и послала демону такой взгляд, от которого у меня даже шея покраснела.

Тот коротко кивнул и подмигнул ей. Официантка бесстыдно вильнула задом и направилась к маленькой дверце рядом с музыкальным пультом. Демон глянул через плечо, провожая ее жгучим взглядом, затем обернулся ко мне.

– Ты пей, пей, – посоветовал он. – Уже можно. Сотрясения точно нет. Хотя нос просто загляденье.

Я фыркнула, удивляясь собственному внезапному бесстрашию:

– Посмотрела бы на тебя, когда в твое распрекрасное лицо влетела подушка безопасности со скоростью двести километров в час.

– Блондинки не должны так разговаривать, – с усмешкой заметил Асмодей и тоже откинулся на спинку.

– Я крашенная, – бросила я и отвернулась.

Демон замолчал. Я демонстративно отвернулась и смотрю на танцующих, но кожей чувствую, как скользит по мне его взгляд. Горячий, как лава, и бесстыдный, как грех. Нервно сглотнув, я сделала вид, что очень занята разглядыванием танцовщицы в клетке над танцполом.

Молчание длилось не долго. Когда зазвучала следующая композиция, Асмодей поинтересовался миролюбиво:

– Значит, у меня распрекрасное лицо?

– Не нарывайся на комплимент, – ответила я поворачиваясь, и увидела, как демон закинул ноги на стол. – Сам прекрасно знаешь, что хорош. Только держись от меня подальше.

– Почему? – искренне удивился демон.

– Я не вожусь с такими, как ты. Бирнан мне все рассказал.

– Боишься демонов? – осведомился он.

Его ладонь скользнула по волосам, из них показались небольшие, но вполне заметные рога, напоминающие бычьи. Только эти – волнистые и черные. Глаза сверкнули, он хищно улыбнулся, обнажив вытянувшиеся клыки.

В груди тревожно ухнуло, но я сделала вид, что занята поправлением волос, затем оперлась локтями на стол с самым бесстрашным видом.

– Видишь ли, – начала я. – Я не верю в параллельные миры, ведьм, демонов и всякое другое. По-моему, я все еще сплю, хотя не понятно, как. Когда ко мне в квартиру ворвался говорящий ворон, даже поверила на секунду. Но полеты на метле и рогатые мужчины не вписывается в нормальную картину мира. Остается одно. Сон.

– Ты серьезно? – изумился демон.

– Абсолютно, – сказала я и отпила из стакана.

Во рту стало кисло, словно это не апельсиновый, а свежавыжатый сок лимона. Скулы свело, я зажмурилась и стала шарить рукой в поисках чего-то, чем можно запить эту гадость.

Когда на ладонь опустилось горячее, глаза пришлось открыть и обнаружить, что Асмодей придвинулся вперед. Его огромная длань лежит на моей руке, а он, не моргая, смотрит прямо в душу. Рога и клыки исчезли, но глаза полыхают демоническим огнем. В свете прожекторов, который иногда попадают на его лицо, демон кажется и впрямь исчадием ада.

Я попыталась освободить пальцы, но он сжал их еще сильнее и подался вперед. Когда снова дернулась, он потянул на себя и проговорил жутким гудящим голосом:

– Во сне не чувствуют боли. Давай проверим?

Не успела я возразить, как в кисть что-то воткнулось. Вскрикнув, глянула на руку, где длинные когти Асмодея впиваются в кожу, оставляя глубокие вмятины.

– Прекрати! – в ужасе завопила я, но он только сильнее сжал пальцы.

Под одним из них проступило красное и медленно потекло на стол. Внутри меня что-то шевельнулось и реальность нахлынула волной, затопив прежнее бытие, как океан мифическую Атлантиду.

Асмодей проговорил глухо:

– Во сне боль не чувствуют, а если и случается, то сразу просыпаешься. Почему же ты все еще не проснулась?

Сцепив зубы, чтобы не застонать, я попыталась другой рукой оторвать от себя его пятерню, но та словно приросла. Демон довольно смотрит на меня, словно не кожу царапает, а доказывает, что дважды два четыре. Но рыдать перед ним я не собиралась, хотя от боли в глазах защищало. Пришлось сцепить зубы.

– Никудышный из тебя охранник, – выдавила я, пытаясь образумить демона, – если калечишь собственного клиента.

– Значит, – поинтересовался он, улыбаясь, – я реален?

Я невольно шмыгнула носом и проговорила:

– Хочешь сказать, демоны и говорящие вороны живут с нами в одном мире?

– Как видишь.

– А как же наука? Нанотехнологии?

Демон пожал плечами, все так же хищно скалясь.

– А что с ними? По-моему, с ними все в порядке.

Меня снова замутило. На этот раз от суровой правды.

– И как жить, после такого? – спросила я.

Асмодей все не отпускал. В глазах моих предательски помокрело, а когда ощутила, как по правой щеке скатилась слезинка и капнула с подбородка, я всхлипнула. Но про себя мысленно выругалась – ведь не хотела ему показывать свою слабость. И пообещала себе постараться больше не проявлять перед демоном таких качеств.

Неожиданно по ушам резанул короткий высокочастотный звук, демон резко убрал руку и отклонился, а я со стоном прижала поцарапанную кисть к груди, послав ему ненавидящий взгляд. Он даже не глянул, только облизнул коготь и спрятал под стол. Думала, гадость какую-нибудь скажет, но демон молча уставился в толпу.

Оглянувшись, я увидела мужчину в строгом белом костюме, мирно стоящим среди пляшущих людей. Волосы коротко острижены и в свете софитов кажутся платиновыми. Лицо безмятежное, даже одухотворенное.

Он секунду смотрел в никуда, потом, словно пришел в себя и двинулся к нам. Подойдя к столу, бросил короткий взгляд на мою прижатую кисть и проговорил чистейшим тенором:

– Ты должен защищать воспитанницу, а не дыривить ей руки.

Асмодей взял бокал мартини и облокотился на стол.

– Эта воспитанница в тебя, между прочим, не верит, – сказал он, покосившись на пробегающую танцовщицу в откровенном наряде.

– Мда?

Демон кивнул и продолжил:

– И в меня тоже. А еще в воронов, ведьм, призраков и всех остальных. Так что получите, распишитесь. За твое здоровье пить не буду. Ты бессмертный. Выпью за нее.

Он быстро посмотрела на меня, и опрокинул бокал в рот. Незнакомец, тем временем, сложил пальцы в молитвенном жесте. Взгляд стал блаженным, словно зрит врата Рая, но мне почему-то стало страшно, если Асмодей при нем перестал царапаться.

Отодвинувшись к стене, я притянула к себе подушку и шляпу, чтобы хоть немного отгородиться от пришлого. Хотя такая защита смехотворна.

Белобрысый заметил мое шевеление, на лице появилась улыбка, но какая-то сухая и картонная. Так делают хорошо обученные менеджеры, когда требуется понравиться клиенту.

– К вере, – проговорил белобрысый, все еще держа ладони вместе, – приходят разными путями. Одни сквозь тернии и лишения, другие через богатство и славу. Неверие естественный процесс, но однажды что-то происходит и в сердце загорается...

– Знакомься, – прервал его демон, – Кафриэль. Твой охранник от светлой стороны. Как всегда, зануден и многословен.

Белобрысый вздохнул и закатил глаза, его пальцы скользнули во внутренний карман, через секунду оттуда вынырнула небольшая однорядная расческа. Он несколько раз провел ею по волосам, хотя непонятно, зачем при такой короткой стрижке расчесываться, и убрал обратно.

Волосы заблестели, словно серебряные. Я невольно засмотрелась, немного завидуя потому, что мои волосы никогда так не сверкали после покраски в блонд. Потом вспомнила, с кем нахожусь, и сердце сжалась. Опустив плечи, я сильнее подвинулась к стене и покосилась на демона, боясь, что он снова начнет применять воспитательные меры.

– Я вовсе не зануден, – произнес Кафриэль, садясь рядом со мной. – Просто считаю, что объяснять нужно подробно и доходчиво. К каждому нужен свой подход.

– Ну конечно, – отозвался демон. – Интересно тогда, что ты понимаешь под занудством? Белобрысый одарил его снисходительным взглядом.

– Можешь сколько угодно пытаться вывести меня из себя, – сказал он. – Я выше твоих интриг и росказней. И где твоя чудесная трость с плащом? Снова сеешь смуту?

– Не смуту, – заметил Асмодей. – А необходимую интригу. Людей же надо как-то стимулировать. А вы только прикидываетесь белыми и пушистыми. И вообще, пернатый, я тебя насквозь вижу. Ты зануден.

– Не зануден я! – не выдержал Кафриэль.

Демон поднял руку и помахал официантке, которая только и ждала сигнала, а теперь схватила поднос с напитками и чуть ли не бегом бросилась к нам.

Когда подошла, Асмодей взял еще бокал мартини и шепнул что-то девушке. Та покраснела и медленно удалилась, скрывшись за той же дверью, что и первая.

Кафриэль скривился, а демон залпом осушил фужер и проговорил, вытирая губы двумя пальцами:

– Не зануден, угу. Рассказать, как одна подопечная сбежала от тебя прямо во время инициации, потому, что всю дорогу читал ей лекцию про целомудрие, благочестие и целибат, которые могут благотворно сказаться на ее умениях?

– Но они действительно полезны! – возмутился Кафриэль, выпрямляя спину.

– Это не доказано, – отмахнулся Асмодей.

Снова повисла пауза. Я тупо переводила взгляд с одного на другого. Демон жесткий, яркий, с хищной красотой, которая скорее не красота, а магнетизм, который обычно куда эффективней смазливой мордашки. К таким, как он, женщины липнут стаями, а ему как с гуся вода. Чем-то бывшего мужа напоминает, только тот беглец и обманщик, а Асмодей открыто показывает, что верность никому не хранит, но готов на любые подвиги хоть сейчас. И, кажется, никто не в обиде.

Белобрысый – полная противоположность. Мягкие черты, чуть пухлые губы, лицо, как на рождественских открытках, только взрослое. А цвету глаз может позавидовать само небо.

Я завернула за ухо локон и робко спросила:

– Ты ангел?

Асмодей фыркнул и закинул ноги на диван, опершись спиной на стену. Взгляд устремился на рыжую девицу, которая извивается вокруг шеста на помосте. На ней коротенькие шорты с сеточкой и украшенный стразами лифчик. Рыжая вихляет задом и совершает волнообразные движения телом. Когда заметила, что демон смотрит на нее, вилять стала еще усердней.

Губы белобрысого снова скривились, он вздохнул и проговорил:

– Да, дитя мое. Я ангел и твой наставник до тех пор, пока не пройдешь инициацию.

– И организатор шабашей, между прочим, – добавил Асмодэй, подняв палец.

Я удивленно раскрыла рот и спросила:

– Шабашей? Такое тоже есть?

– Есть, – подтвердил ангел.

– Выходит, библейская картина мира настоящая? – не поверила я. – Демоны, ангелы, ведьмы? Все правда?

Лицо Кафриэля стало задумчивым, он потер подбородок и положил ладони на стол.

– Видишь ли, – начал ангел, поворачиваясь ко мне. – Ты права и неправа одновременно. Изначально все назывался иначе, но люди меняются, уходят эпохи и восприятие становится иным. То, что было понятно финикийцу во втором веке, покажется бредом тому, кто жил всего пятьсот лет до них.

– Неандертальцам что ли? – решила уточнить я.

Ангел махнул рукой.

– Нет, – сказал он. – Не бери в голову. У вас официальной признана другая история, хоть она, совершенно отличается от реальности. С другой стороны, реальность тоже понятие условное. Но об этом как-нибудь в другой раз. Знать тебе следует пока одно. Многое из того, что люди привыкли считать легендами и сказками, существует на самом деле.

– Например? – поинтересовалась я.

Кафриэль провел ладонью по волосам.

– Ну, как тебе сказать, – произнес он. – Например, подземники людей считают выдумкой. Эдакой сказкой для детей про существ, которые смогли приспособиться к дневному свету и живут на поверхности.

Я даже рот раскрыла.

– Подземники? Гномы что ли?

Ангел покачал головой и ответил:

– Нет. Гномы вообще в другой, гм... В другой параллели. А эти... они... В общем... Они подземники.

– Ерунда какая-то, – убежденно сообщила я.

Асмодей оживленно посмотрел на меня, глаза сверкнули, а из волос снова показались небольшие рога. Он положил ладонь на столешницу и пробарабанил пальцами.

– Напомни потом сводить тебя к русалкам, – сообщил он.

Я хотела спросить, неужели и это правда, но белобрысый не дал раскрыть рта.

– Не забивай ей голову лишним, – наставительно произнес он. – Запомни, Варвара, главное для тебя сейчас пройти инициацию, выбрать сторону. И, разумеется, не столкнуться с инквизиторами. Но об этом должны позаботиться мы.

Такая таинственность начала раздражать, а страх медленно сменялся негодованием. В голове оформилась мысль о том, что эти двое вообще-то ворвались в мою жизнь, перевернули все с ног на голову. Я нервно сглотнула и схватила стакан с соком, который пить не хочется, но другого нет. Потом спросила:

– Кто такие эти инквизиторы? Каркуратор о них тоже предупреждал, но объяснить не потрудился. И что значит, «выбирать сторону»? Почему я должна выбирать?

Когда отхлебнула, глотку ободрало, словно наждачкой, а язык скрутился в рулон. Апельсиновый сок оказался кислее незрелого лайма. Я зажмурилась. Несколько секунд судорожно глотала, стараясь быстрее протолкнуть кислотину, но вкус все не хочет уходить. Когда уже готова была протереть язык подолом платя, неожиданно полегчало, а в голове прояснилось.

Открыв глаза, обнаружила, что оба смотрят на меня с сочувствием.

Я проговорила сдавленно, в попытке оправдаться:

– Вообще-то люблю кислое. Но это настоящий «вырви глаз».

– Давай все по порядку, – произнес Кафриэль невозмутимо. – Инквизиторы, как ты могла догадаться, главные враги ведьм.

Я хмыкнула и сложила руки на груди.

– Они что, сжигают их на костре?

– Всякое бывало, – согласился ангел. – От них нужно держаться подальше.

Лоб зачесался, мысли запрыгали, как разбуженные лягушки. Я попыталась собрать их в кучу, но они рассыпаются и совсем не хотят держаться вместе.

– А как получилось, что добро и зло сотрудничают? – попыталась разобраться я, взглядом указав на Кафриэля и Асмодея.

– Это кто тут зло? – удивился демон.

– Ну, – протянула я в замешательстве. – Ты зло. Ты же демон. А ангел – добро.

Кафриэль и Асмодей переглянулись, на лицах мелькнули загадочные улыбки.

Рыжая девица, которая отчаянно виляет задом, пытаясь вернуть внимание Асмодея, послала мне полный ревности взгляд. Еще несколько мгновений она извивалась вокруг шеста. Когда музыка закончилась, она спрыгнула с помоста и приблизилась к нам.

Презрительно оглядев меня сверху вниз, насколько это позволяет стол, она положила ладонь на столешницу и призывно прогнулась. Демон успел убрать рога, как только она слезла с рабочего места, и теперь выглядит как обычный харизматичный кобель.

Он хищно улыбнулся танцовщице и проговорил, вставая:

– Я оставлю вас. У меня дела. Необходимо подарить обещанное наслаждение. Смотри, не усыпи юную ведьму своими проповедями.

– Мое наслаждение греет душу и заботится о ее спасении, – значительно произнес ангел. Асмодей усмехнулся.

– Ты бесполой, – сообщил он, выходя из-за стола, и обхватил девицу за талию.

Они неспешно направился к двери, за которой скрылись официантки.

Глава 5

Мы остались за столиком и некоторое время молчали, а я втайне радовалась, что удалось на время избавиться от Асмодея, в присутствии которого язык прилипает к небу, а в голову лезут дурные мысли.

Когда на смену быстрым композициям пришли медленные, Кафриэля прорвало. Он рассказал о важности инициации, хотя весьма смутно, и я ничего не поняла. О важности выбора стороны, о необходимости благодетельства и каких-то церемониях, которые хорошо сказываются на душевном покое и карме. Похвастался шабашами.

Я смотрела, как он непринужденно пьет мой кислющий сок и даже бровью не ведет.

Оказалось, молодые ведьмы появляются редко. Бывает ни одной за пять лет, но случаются и урожайные периоды, когда удается разыскать десяток за год. С чем это связано – никто не знает, но охранники трясутся над каждой и радуют, чтобы вносили имена в базу данных.

Когда спросила, зачем это надо, белобрысый с важным видом ответил:

– Таким образом Круг знает, где и когда искать нужную ведьму. В жизни бывает всякое и нужно быть готовым.

О значении инициации Кафриэль тоже говорил много, но подробностей не рассказал. Лишь твердил о том, как это нужно и важно. Смогла понять лишь, что после нее ведьма открывает полную силу и принимает сторону.

Пока Кафриэль вещал, я глазела по сторонам, потому, что смотреть на идеально чистого ангела почему-то неловко. Костюм настолько белоснежный, словно пылинки сами от него отскакивают. При всей белокурости, он не альбинос и весьма даже ничего, если забыть слова демона о его бесполости.

– Значит, – решила уточнить я, – ведьма может и не обрести силу?

– Может, – согласился ангел. – Точнее, сила у нее останется, но не полная, а как бы в зачатке. Для раскрытия требуется инициация.

Я покачала головой, вздыхая.

– Говоришь, будто эта инициация самое важное в жизни ведьмы.

– И это не преувеличение, – проговорил Кафриэль значительно. – Но не стоит забывать, что выбор стороны определит ресурс, которым будешь пользоваться, а также дальнейшие взаимодействия с союзниками. Поэтому сто раз взвесь, прежде чем определиться.

– Тьма или свет? – уточнила я.

– Именно.

– Как-то не густо.

Брови Кафриэля приподнялись, он спросил:

– Что ты имеешь в виду?

– Не люблю, когда загоняют в рамки и ставят перед фактом, – пояснила я.

– Гм... Неожиданно.

Он немного помолчал, словно переваривал услышанное, потом перешел к рассказу о предыдущей подопечной.

Пока он вещал, я заметила незнакомца у бара. Он облокотился на стойку и поглядывает в стороны, словно кого-то выискивает. Невысокий, лет тридцати, с хитрым лицом и красным шрамом под глазом. Одет в кожаную куртку, через голову перекинута сумка, которая плохо сочетается с остальным образом.

Он посмотрел в нашу сторону, и у меня пробежали мурашки по спине. Уже готова была отбиваться метлой, если окажется очередным демоном, но игра теней сыграла на руку. Незнакомец нас не заметил и отвернулся.

Мне стало душно, будто в кабинке закончился кислород. Попробовала глубоко вдохнуть, но перед глазами поплыли круги, повело в сторону.

– Мне надо на воздух, – проговорила я.

Белобрысый посмотрел на меня и сказал:

– Отец небесный! Да ты совсем бледная!

Он взял мои вещи, попытался помочь с метлой. Но я, помня взгляд Асмодея, когда собиралась оставить метлу в гардеробе, решила не отдавать.

Выбравшись из-за стола, Кафриэль повел меня в противоположную от выхода сторону, стараясь держаться в тени.

Я подозрительно взглянула на белобрысого, тот виновато улыбнулся и сказал:

– Там второй выход. Не стоит толкаться с народом, который ломится в клуб.

Решив, что это вполне обосновано, я успокоилась. Проходя мимо бара, бросила короткий взгляд на незнакомца. Тот крутит в пальцах стакан с виски и делает вид, что разглядывает лед. Вроде ничего подозрительного – ну мужчина, ну пришел в клуб. Что тут такого? И все же страх завертелся у меня в груди, как волчок.

– Ты тут часто бываешь? – спросила я ангела, пока мы продвигались к выходу.

– По долгу службы, – произнес он важно.

– И знаешь всех завсегдатаев?

Он покосился на меня и произнес:

– Бог с тобой. В мире около семи с половиной миллиардов людей. Я не знаю всех лиц. Только голоса, если позовут. Почему ты спрашиваешь?

Тряхнув головой и пытаясь выгнать тревожные мысли, я произнесла:

– Да так. Нервы расшалились. Пришел мужик в бар после работы, расслабляется, пьет виски. В этом нет ничего криминального. А я напридумала себе страхов.

Лицо Кафриэля осталось невозмутимым, но заметила, как он напрягся и завертел головой. Я тоже оглянулась, но незнакомец на баре исчез.

– Кого ты видела?

– Не знаю, – сказала я. – Говорю же, это нервы. У меня был трудный день и такая же ночь. Белобрысый задумчиво промычал и ускорился.

Когда приблизились к темной стене дальней части клуба, я недоуменно покосилась на него. Ангел шагнул вперед, куда-то нажал, стена качнулась и с тихим шорохом пошла в сторону. С нескрываемым удивлением я наблюдала за этим средневековым девайсом и не понимала, как такое сохранилось в наши дни.

Видя мое замешательство, ангел осторожно обнял за плечи и мягко, но настойчиво подтолкнул вперед. Едва ладони белобрысого коснулись спины, по коже растеклось блаженное тепло, захотелось лечь и не двигаться, отдаваясь безмятежной неге.

Лишь выведя меня на улицу, Кафриэль убрал ладони со спины. Ощущение пропало, а я глубоко вдохнула. Свежий ночной воздух потек в легкие, как живительный эликсир. Головокружение быстро прошло, а пятна перед глазами исчезли.

– Тебе лучше? – поинтересовался ангел участливо.

– Значительно, – отозвалась я. – Если бы еще поставить этот день на паузу и перевести дух, было бы вообще здорово.

Кафриэль покачал головой.

– Это, к сожалению, не в моей власти, – проговорил он серьезно. – Есть другой ангел. Как раз этим заведует.

Подняв на него оторопелый взгляд, я сказала:

– Вообще-то, я пошутила.

Я огляделась. Здесь какой-то задний двор клуба. Рядом контейнеры с мусором, чуть дальше припаркованы машины, видимо, жильцов соседнего дома. Массивная постройка ста-

линских времен исполином высится над ночной улицей, а на самом верху в свете прожекторов сияет звезда. Из-за огней города небо кажется фиолетово-синим, звезд не видно, зато дворы залиты желтым светом фонарей. Откуда-то доносится шум машин, но так тихо, что кажется далеким и нереальным.

– Как спокойно, – заметила я.

– Если покой внутри, – произнес ангел, поняв палец, – то и вокруг мир спокоен.

– Да уж...

Из-за мусорки вышла пятнистая кошка. Взгляд остановился на мне, она заинтересованно пригнула голову и понюхала воздух. Затем перевела внимание на Кафриэля, который ковыряется в кармане, пытаясь что-то вытащить. Когда он, наконец, справился, в его ладони оказался кусочек кошачьего корма. На мой вопросительный взгляд, ангел ответил непринужденной улыбкой – мол, всегда ношу с собой что-нибудь для зверушек.

Он бросил подушечку кошке. Та сначала дернулась и хотела убежать, но любопытство пересилило страх. Осторожно переступая лапками, кошка приблизилась и понюхала подарок. Затем лизнула и захрустела кормом, послышалось тихое мурчание.

Я оперлась плечом на стену и прижала метлу к груди. Почему-то теперь она кажется родной и любимой, словно всю жизнь была со мной.

– Почему инквизиторы охотятся на ведьм, если даже ангелы с ними сотрудничают? – поинтересовалась я у белобрысого.

– Кто? – изумился он. – Ангелы с инквизиторами?

– Ангелы с ведьмами.

Чистое лицо Кафриэля стало печальным, ангел поднял глаза к небу и сложил руки.

– Вот что я расскажу тебе о них, – произнес он, глядя куда-то вдаль. – Прежде они назывались иначе. И вообще, у инквизиторов было много названий. Охотники, ассасины и куча других. До нынешних времен дошло только первое. Это не важно. Дело в том, что они обычные люди, считающие любое превосходство потенциально опасным для миропорядка. Ведьмы, колдуны, волшебники, чародеи, по их мнению, представляют угрозу для простого человека, который не может защитить себя.

– А человек и правда не может? – решила уточнить я, вспомнив водителя «хаммера» и бывшего мужа.

Кафриэль подозрительно покосился, словно понял мои мысли.

– Недостойно желать людям зла, – сказал он с укором.

– Один мерзавец протаранил мне машину и едва не отправил на тот свет, – напомнила я, чувствуя, как внутри начал закипать праведный гнев. – А второй ушел и даже не явился на развод. Такие люди должны нести ответственность.

– И ты считаешь себя в праве карать?

Я подняла на него недоумевающий взгляд и сказала:

– Карать? О чем ты? Я вообще-то полицию и суд имела в виду. Уж не знаю, как муж умудрился все так быстро повернуть. Наверное, нашел себе молодую дурочку и сбежал. Мужчинам сложно соображать, когда видят грудь, а у этой, видимо, четвертый размер.

– Ты должна простить, – наставительно произнес Кафриэль.

– Я никому ничего не должна.

Из-за угла вышла другая кошка и угрожающе уставилась на первую. Пятнистая зашипела и выгнула спину, готовая к атаке. Кафриэль прикрикнул на обеих и замахал руками, а кошки с мяуканьем бросились врассыпную, высоко задрвав хвосты.

– Вообще-то, – сказал он, беря меня под локоть, – если вернуться к теме защиты людей от ведьм, существуют некоторые способы. Раньше вешали смоляные крестики на дверь. Говорят, помогало. Некоторые, сыпали мак. Думали, что ведьмы собирают зернышки. Когда рассказал об этом членам Круга, те неделю по полу от смеха катались.

– Так, значит, от ведьмы защититься нельзя?

– Можно, но об этом потом, – проговорил Кафриэль. – Пойдем, пройдемся. Негоже стоять возле отходов.

Мы двинулись сквозь дворы мимо пустых лавочек и светящихся окон. На некоторых нет занавесок и можно наблюдать, как хозяйки копошатся на кухнях, толстопузые мужики тыкают пульт телевизора, кто-то тарашится в монитор.

Когда двор закончился, перед нами зашумел проспект. Целую вечность ждали светофор, наблюдая бесконечный поток машин, непонятно откуда взявшийся в такое время. Даже хотела применить метлу, но Кафриэль положил ладонь на черенок и покачал головой.

– Слишком много свидетелей, – сообщил он.

Наконец, когда светофор изволил зажечься зеленым, мы быстрым шагом перебрались на другую сторону.

Я пробормотала:

– Водители совсем охамели.

– А что не так? – поинтересовался ангел.

– Заезжают за стоп-линию. Вот сейчас с удовольствием применила бы ведьминские штучки.

Кафриэль проговорил:

– Лучше пока не торопиться.

Пройдя еще немного, вошли в парк, который в темноте кажется настоящим лесом, правда лавочки и фонари портят эффект. Впрочем лишь это напоминает, что я нахожусь в мегаполисе, а не в выдуманной фантастической стране. Парк давно опустел, только влюбленная парочка обнимается на дальней скамейке. Деревья тихонько шелестят кронами, шум проспекта остался позади, и теперь тоже кажется далеким и нереальным. Воздух свежий и немного сырой, видимо, где-то овраг.

Повернув на пустую аллею, засыпанную мелкой крошкой, мы двинулись вперед. Фонарей мало и кажется, тропинка теряется где-то во тьме.

Я прислушалась к ощущениям. В отличие от Асмодея, который будоражит кровь, баламутит мысли, ангел вызывает чувство безопасности и покоя. Но я твердо решила следовать совету каркуратора даже относительно белобрысого.

Под ногами тихо шуршит гравий, волосы колышет ночной ветерок, рядом вышагивает Кафриэль с видом благородного достоинства.

– Значит, – произнесла я задумчиво, когда мы в очередной раз повернули, огибая заросли кустарников, – я могу испускать огненные шары, телепортировать предметы и швыряться лазерными лучами?

Ангел поправил воротничок и смахнул с плеча невидимую пылинку.

– Не совсем так, – ответил он, помогая мне спуститься с высокой кочки. – Ты говоришь о, так называемой, мужской магии. Она, как правило, очевидна и больше похожа на науку. Этим занимаются колдуны, волшебники, чародеи и прочие маги. Сила ведьм скорее природная. Это мудрость и управление стихиями.

– Ну вот, – фыркнула я. – Даже тут дискриминация.

– Ты просто еще не понимаешь, какая это мощь. Инквизиторы не просто так гонятся за вами не одну тысячу лет. Хотя есть некоторые женщины, которые неплохо овладели мужской магией. Но ведьмы из них никудышные. Но ты нарощенная. Это значит – бесконтрольная огромная сила, которую все хотят перетянуть на свою сторону.

– А инквизиторы? – поинтересовалась я.

Кафриэль искоса посмотрел на меня и произнес:

– Инквизиторы, как огня, боятся нарощенных. Хотя встречаетесь вы редко. Да и сила долго спит. Не каждая может вытащить ее из глубин себя. Потому до инициации нужна охрана.

Хотела спросить, как получилось, что женщины получили доступ к мужской магии, но промолчала, решив, что информацию, которая разрушает привычную картину мира, следует получать дозированно.

Ангел поднял голову и посмотрел на ветки, затем повертел головой. Лицо стало сосредоточенным, в голубых, как топазы, глазах мелькнула тревога. Он придержал меня за локоть, светлые брови сшиблись на переносице, ангел оглянулся и проговорил с напряжением:

– Что-то не так.

Я с озабоченностью покрутилась. Вокруг лишь темные деревья и одинокие фонари, которые плохо справляются с мраком.

На парк опустилась гнетущая тишина, даже шелест деревьев прекратился. Когда ветер стих, возникло ощущение, что мы в каком-то вакууме, а у меня в животе похолодело. Через миг из темноты аллеи послышались шуршащие шаги – кто-то движется прямо на нас и совершенно этого не скрывает.

Кафриэль задвинул меня за спину и опустил руки, растопырив пальцы. Шляпа с подушкой упали на землю и остались одиноко лежать у его ног. Шаги приближались, а мне все сильнее хотелось оказаться где-нибудь подальше от этой мистики, которая плохо укладывается в голове.

Через несколько мгновений из темноты вышел тот самый невысокий мужчина с сумкой наперевес, который зыркал по сторонам в клубе. Он остановился под фонарем и взглянул на ангела. Губы незнакомца скривились в ухмылке, шрам под глазом некрасиво изогнулся, потом он сложил руки на груди и заговорил низким голосом:

– Вот и наш ангел-предатель.

Он откинул короткую челку, всем видом говоря о презрении и ненависти, хотя сложно представить, как можно ненавидеть ангела.

Кафриэль выглядит спокойным, только пальцы немного подрагивают, выдавая напряжение.

– Это вы считаете меня предателем, – сказал он, глядя в темноту позади него.

Незнакомец кивнул и стал прохаживаться из стороны в сторону, словно учитель на уроке литературы.

– Считаю, – проговорил незнакомец с нажимом. – Тебя и остальных лицемеров, которые прикрываясь именем Его, славят грехи и пороки.

Лицо чужака покраснело, шрам налился так, что, кажется – сейчас лопнет. Он тяжело задышал, нагнетая ярость, руки опустились, пальцы сжались в кулаки, человек схватился за сумку и застыл в нерешительности.

Ангел поглядывает на него, но внимание приковано к темноте, словно отлично видит во мраке, как и Асмодей.

Пару секунд он молчал, потом произнес:

– Ты глупец, инквизитор. Мы все дети Его. У людей есть свобода выбора, но нам он не подвластен. Нелепо обвинять птицу за умение летать, а рыбу за способность дышать под водой.

Инквизитор криво усмехнулся и достал из сумки деревянную пластинку с отверстием. Я осторожно выглянула из-за плеча ангела, поддавшись любопытству, хотя сердце ухает, как кувалда.

Человек со шрамом поднес пластинку к лицу и глянул в отверстие прямо на меня. Когда подул ветер, добавляя еще больше мистики происходящему, стало совсем тревожно. Деревья зашумели гольми ветками и протяжно застонали, вторя моим страхам.

Жутковатое лицо инквизитора искривилось ухмылкой. Он убрал пластинку и сказал, оставив ладонь в сумке:

– Отдай нам ведьму. Мир должен быть гармоничным и чистым от всего, что нарушает естественный ход вещей.

Кафриэль улыбнулся и сложил ладони перед грудью. Видимо, это его любимый жест.

– Если считаешь застой естественным, вам следует перебраться в болота, – сказал ангел. – Там спокойно, каждый день как предыдущий. Нет, инквизитор. Моя задача защищать. Ведьму не отдам.

Щеки незнакомца покраснели сильнее, губы сжались в линию, глаза выкатились, как у рака. Он сделал пару шагов назад и вытащил из сумки небольшой прибор, похожий на старинный пистолет, но у этого сверху такая же пластинка с дыркой, в какую минуту назад он смотрел.

– Будь по-твоему, – зло выдавил инквизитор. – Тогда мы сами ее заберем.

Не успел он закончить, как из темноты появились темные фигуры в черных кожаных куртках. В руках такие же, как у него, приборы, лица холодные и равнодушные, словно собираются не человека убить, чаю заварить.

Мне стало по-настоящему страшно. Наконец дошло – жизнь изменилась и прежней никогда не станет. Город спокойно спит, не подозревая, что рядом творятся события из фантастического боевика. Завтра люди встанут и пойдут на работу, будут пить кофе в обеденный перерыв, смотреть видео на планшетах. Никому не придет в голову, что сюжеты, которые экранизируют и пишут в книгах – настоящие.

Меня мелко затрясло. Попыталась придумать, что делать, но мысли застыли вместе с кровью в венах.

Несколько секунд висело тяжелое молчание, затем раздался крик, и вся масса инквизиторов ринулась на нас, словно лава.

– Улетай! – закричал Кафриэль и шагнул вперед.

Из его спины выросли два гигантских крыла и вспыхнули белоснежным сиянием так, что на секунду ослепили инквизиторов. Те зажмурились, прикрывая глаза ладонями. Я, как зачарованная, вытаращилась на пернатого заступника, не в силах пошевелиться.

Ангел снова крикнул:

– Что ты стоишь?

Человек со шрамом первым пришел в себя и потянулся к сумке. Я спохватилась и положила метлу на воздух. Когда закинула ногу, чтобы сесть, раздался хлопок и черенок отлетел в сторону, в темноте послышался шорох, а метла упала куда-то в кусты.

Увидев, что я осталась без помела, Кафриэль грозно закричал и кинулся в атаку. Его крылья замелькали полосками света. Инквизиторы стали напрыгивать на него со всех сторон, как полчища голодных крыс, но ангел успевал отбивать нападения могучими опухшими лапами.

Чужак оскалится.

– Ты же можешь просто исчезнуть, – бросил он ангелу. – Улететь. Оставь ведьму. Зачем тебе эта драка?

– Где Асмодей, когда он так нужен! – вместо ответа выпалил ангел, раздавая яростные удары то крыльями, то кулаками.

Я подобрала шляпу и попятилась – сердце колотится, спина мокрая, словно у приговоренной к смертной казни.

– Не знаю, – пролепетала я. – Он с девочками развлекаться пошел.

Белобрысый откинул двоих очень настырных инквизиторов, которые, пользуясь заминкой, умудрились проскользнуть под левым крылом. Двух других с силой метнул в темноту, послышался треск веток и отборная ругань. Но нападающих меньше не стало. Они, как муравьи все лезут и лезут непонятно откуда, а ангел швыряет их направо и налево.

– Так позови его! – выкрикнул он, приложив в челюсть узкоглазого головореза.

– Я?

– Ну не я же! – возмутился он и махнул на орду обоими крыльями.

Под напором ветра, инквизиторов оторвало от земли и швырнуло на деревья. Послышался хруст, словно ломаются кости, но когда заметила поднимающихся в темноте инквизиторов, поняла – ангел не убивает людей.

Не зная, как поступить, я прижала шляпу к груди и прошептала:

– Асмодей?

В воздухе запахло серой, послышался тихий треск, похожий на неисправность электропроводки. Через секунду передо мной возник черноволосый красавец в футболке со смайликом-чертенком. На щеке след от помады, космы включены, он возмущенно смотрит на меня и сверкает глазами.

– Вам завидно, что ли? – проговорил он раздраженно, поправляя футболку. – Ну, отдыхает демон. Я вас не выгонял. Могли присоединиться.

Я ткнула ему за спину, он скривился и обернулся. В этот момент Кафриэль что-то напутал с траекторией швыряния, один из инквизиторов полетел прямо в нас.

– О, черт! – выпалил демон и мощным ударом изменил направление инквизитора.

Вытерев кулак о штанину, Асмодей подбежал к ангелу и спросил, не обращая внимания, что тот сражается с полчищем разъяренных психов:

– Почему она не улетела?

Крылья ангела замелькали еще быстрее потому, что подоспела новая порция инквизиторов. Эти стали стрелять из приборчиков, оставляя на идеальном костюме ангела уродливые черные дыры, которые, к счастью, тут же затягиваются.

В праведном гневе белобрысый взмахнул крыльями, поднялся настоящий локальный шторм. Вся орда отлетела пару десятков метров, упав кто как. Но из темноты выскочили новые, и все началось заново.

– Не получилось, – сообщил Кафриэль. – Забери ее.

– Куда? – изумился демон.

– Не знаю, – огрызнулся ангел, отпихивая троих инквизиторов. – Куда хочешь, только подальше от этих безумцев.

Слева хрустнула ветка, я обернулась и застыла в ужасе – прямо передо мной скалится инквизитор со шрамом и целится из приборчика в голову.

Внутри похолодело, колени задрожал, я попятилась, не зная, где искать укрытия. Рожа инквизитора расплылась в улыбке, обнажая ряд не очень хороших зубов. Такие бывают у тех, кто ест много сладкого и не ходит к стоматологу. Он стал медленно приближаться, чтобы уж точно попасть.

Ангел закричал страшно:

– Асмодей! Да унеси ее!

– Умный самый? – отозвался демон, раздавая удары. – Куда я ее заберу? Я в теле, если не заметил. Только по вызову перемещаюсь, либо сразу домой.

– Во имя Всевышнего, – снова завопил Кафриэль. – Забери, куда угодно!

Тем временем инквизитор надвигался. Глаза прищурены, губы растянуты в хищной улыбке, словно у тигра, принявшего человеческий облик.

Я пискнула и прикрылась шляпой, оставив на виду только глаза, а человек со шрамом заорал:

– Во имя инквизиции!

Потом швырнул в меня крохотный мешочек. На лету он рассыпался, и в воздухе повисло темное облако. Когда вдохнула пыль, меня качнуло, сердце сжала ледяная лапа. Успела подумать, что сейчас упаду замертво, а человек со шрамом безумно улыбнулся и снова прицелился.

Потом раздался хлопок. Асмодей прыгнул с места и оказался между мной и инквизиторм, затем крепко прижал к себе, и мы провалились в черноту.

Глава 6

Мой несчастный нос уперся в грудь Асмодею и ужасно болит, но возмущаться не решилась, боясь, что в боевом запале прибьет. Лишь сильнее вцепилась в его футболку. Опора из-под ног ушла, в животе стало пусто, словно попали в воздушную яму. Куда движемся не видно, но в ушах воеет, будто несемся на скоростном экспрессе. Со всех сторон дует, подол платья треплется, как флаг, а волосы закрутились вихрем над головой.

– Держись, – прошептал Асмодей в ухо.

Меня прошибло жаром, несмотря на дикий ветер. Но из пальцев выдирает шляпу, пришлось опомниться и перехватить, намертво вцепившись в ткань.

Когда попыталась дернуться, руки Асмодея прижали крепче. Успела лишь отвернуть нос, избавив его от боли. Потом удалось вытянуть шею и выглянуть из-за могучего локтя. От увиденного волна ужаса прокатилась по телу и заставила трястись, как озябшую осинку.

Повсюду черно-серая круговерть, по воздуху носятся ветки, куски арматуры и шифера. Но самое дикое – корова. Несчастное животное носится вокруг нас в огромном вихре, жалобно мычит и, наверное, не представляет, что происходит. Я тоже плохо понимаю ситуацию, но меня несет демон, а корову – ветер.

Время потеряло границы. Вой урагана режет слух, яростные порывы рвут подол, и норы ват проникнуть в самую душу. Прошла вечность, прежде, чем ноги коснулись твердой поверхности. Ветер резко стих, демон отпустил руки.

Я сразу почувствовала себя одиноко и незащищенно. Но вспомнив, с кем нахожусь, взяла себя в руки. Потом отшагнула и открыла глаза.

– Где мы? – поинтересовалась я, делая вид, что не удивлена пейзажем, хотя сердце сейчас выпрыгнет через рот.

А пейзаж следующий: вроде тот же парк, деревья, лавочки на соседних аллеях. Но все чужое. Особенно красно-оранжевое освещение, в котором деревья выглядят устрашающе, а ветки багровые, будто по ним вместо сока течет кровь. В воздухе запахи железа и серы, до того сильные, что во рту привкус остается.

В груди шевельнулось тревожное, я повторила:

– Где мы? Куда ты меня принес?

Асмодей виновато поежился и ответил:

– В Аду. Не лучшее место для тебя, но лучше ничего придумать не смог. Уж пардонте.

Я в ступоре вытаращилась на демона и переспросила, надеясь, что ослышалась:

– Извини, где?

Демон отряхнул штанину, на которой расплзлось багровое пятно. Видимо, кого-то успел задеть, пока я тряслась перед инквизитором и пыталась прикрыться шляпой. Пятно размазилось, Асмодей скривился и выругался под нос.

– В Аду, – повторил он и выпрямился. – В преисподней, в Геенне огненной, в Шеоле. Точнее, в его Преддверии. Но для тебя без разницы.

Я медленно натянула шляпу, та моментально приняла форму головы и накрепко села. Во рту пересохло, словно местный воздух испарил всю воду.

Услышанное в голове не укладывалось, я потерла щеки и проговорила сдавленно:

– В Аду... Не верится... Утром делаю покупки в супермаркете, а вечером... Ад...

Асмодей повертел головой и спросил серьезно:

– Где метла?

Его глаза забегали, лоб сморщился, а сам демон выглядит нервным, что странно после пассажей с официантками и хозяйского обращения к охраннику.

Когда Асмодей провел ладонью по смоляной шевелюре, послышался сухой скрип и из волос вылезли два длинных рога с блестящими кончиками. Волосы его удлинились и теперь свисают до плеч. Демон внимательно смотрит на меня покрасневшими глазами и сверлит взглядом.

– Ну? – повторил он и сложил руки на груди.

Я отшагнула назад и буркнула:

– Что ну?

Лицо демона стало грозным, ноздри расширились, он выдавил сквозь зубы:

– Где твоя метла, Варвара?

Понимая, что сейчас влетит не понятно за что, я покосилась в сторону, в надежде найти что-то, чем можно отбиться от демона. Но нашла только кучу сухих веток под деревом.

– Ее из рук выбило, – сообщила я неуверенно.

Глаза демона сверкнули, он с нажимом поинтересовался:

– И что дальше?

В его голосе прозвучала угроза, я нервно сглотнула и сжала кулачки. Повисло тяжелое молчание, в конце концов, я не выдержала и крикнула отчаянно:

– Да не знаю я, где метла! Улетела куда-то!

Асмодей схватился за рога, глаза бешено вытаращились, он взревел и стала бегать из стороны в сторону, поднимая облака красной пыли. Чтобы не попасть под горячую руку, я благообразно отошла подальше и стала ждать, когда он успокоится и все объяснит.

Но демон успокаиваться не собирался. Он орал и ругался таким отборным матом, которому позавидует любой сапожник. Потом принялся перечислять ангелов и чертей. Как ни странно, это его немного успокоило.

Асмодей еще несколько раз пронесся из стороны в сторону и остановился прямо передо мной.

– Что ты за черт в лаптях! – выдохнул он. – Ведьма, которая потеряла метлу! Кому скажи – засмеют! Как прикажешь теперь выбираться?

Демон схватил меня за плечи и принялся трясти с такой силой, что хрустнуло в шее. Дергаюсь в его руках, как тряпичная кукла на веревочках. При этом вполне себе ощущаю, как его харизматические чары дурманят мне голову. В один из моментов, Асмодей сильно сжал пальцы, я вскрикнула.

– Больно же! Синяки останутся!

Но он только сильнее оскалился. Глаза полыхают, рога недобро сверкают в багровом свете преисподней, а изо рта вылезли сантиметровые клыки.

Когда демон в очередной раз потрянул меня, в груди закипело. Гнев медленно пополз по венам и заполнил все, до чего добрался. Но я сцепила зубы и молчу, сверля его ненавидящим взглядом. От этого Асмодей окончательно взбесился, его правая рука с кривыми когтями ушла в замах.

В ужасе поняла, чем это может кончиться и закричала в лицо демону:

– Да чего ты орешь, как резаная свинья! Не знала я! Не знала, что надо трястись над каждым прутиком этой метелки! Инструкцию надо выдавать! Если ударишь, обещаю, я... Я не знаю, что сделаю! Но когда узнаю – мало не покажется! Рога повыдергаю! Понял?!

Грудь заходила ходуном, а я задохнулась, с трудом веря, что наорала на демона.

Рука Асмодее застыла в воздухе. Он мгновение неподвижно стоял и внимательно изучал меня. Затем неожиданно успокоился, глаза опять стали черными, лицо разгладилось и он снова выглядит как харизматичный мачо, только с рогами.

– Так-то лучше, – проговорил демон и отпустил плечо. – Думал, ошибся. А нет. Ты нормальная. В смысле ведьма.

Я потеряла плечо, где уже, наверняка, расплывается красное пятно. Чуть позже посинеет и будет долго напоминать о вспышке демонического гнева.

Асмодей довольно улыбается. Словно не он секунду назад, готов был полоснуть мне лицо всей пятерней.

Я проговорила, отшагивая от него и приводя в порядок дыхание и платье:

– Никакого уважения к женщинам. Как ты стал демоном плотских утех?

– Посмотри на мое лицо, – значительно проговорил Асмодей и указал себе на нос.

– Внешность это, конечно, прекрасно, – пробормотала я. – Но приличное обращение пока никто не отменял.

Демон ответил, сдвинув плечами:

– Издержки. Все издержки.

Некоторое время мы молчали. Я делаю вид, что ужасно обиделась и жду самых искренних извинений. Но демону, похоже, это не приходит в голову. Он беззастенчиво разглядывает меня, будто прямо под одежду смотрит.

– Перестань, – потребовала я, сложив руки на груди.

– Что перестать?

– Перестань глазеть.

Взгляд демона остановился в области декольте. На платье его нет, потому, что перед полетом я благоразумно застегнулась до самого верха. Но, кажется, одежда демону совсем не мешает.

Щеки мои ожидаемо потеплели, а уши запылали. Я гневно вытаращилась на демона, готовая защищать честь любыми доступными способами. Асмодей хмыкнул, но взгляд отвел, отмахиваясь со словами:

– Да ладно тебе. У тебя отличная фигура. Этого не стыдиться надо, а гордиться. Как там говорят? Грешно зарывать свой талант?

– Зато ты свои применяешь. Так применяешь... – отозвалась я едко и глянула в сторону.

Между деревьями струится красно-оранжевый свет. Откуда – не понятно. Когда покидали парк, была глухая ночь, а тут то ли день, то ли черт пойми, что. Оранжевое небо пустое, солнца нет, но вокруг ржавая подсветка, достаточно яркая, чтобы читать газету.

– Не верится... – прошептала я, спустя несколько секунд.

Пользуясь тем, что Асмодей перестал орать, я отошла в сторону и выглянула из-за деревьев на пустую площадь. Она тоже красно-оранжевая, будто у них тут избыток железа. Ощущение, что попала на Марс.

Подул едва уловимый ветерок, я принюхалась и ощутила запах смолы.

– Мы действительно в Аду? – спросила я, понемногу смиряясь с безумием происходящего. – Точнее, Преддвериях?

– Да.

– Значит, проблемы нет, – сказала я и развернулась к Асмодею, который все еще разглядывает меня, потирая рога. – А ты орал, как безумный. Даже помолиться захотелось.

Мою колкость демон пропустил мимо ушей. Губы растянулись в ухмылке, он сдул черную прядь со лба и подошел.

– Проблема есть, – сообщил он буднично, словно не он только что рвал на себе рога. – Просто мне приятно осознавать, что ты можешь выбрать сторону тьмы. У нас с Кафриэлем давнее соперничество. Кто перетянет больше ведьм в свой стан, тот и молодец. Тьма и свет заинтересованы в большем количестве союзников. В зависимости от того, на чьей стороне перевес, в человеческом мире устанавливается эра технократии, либо духовного возрождения.

– И кто за что отвечает?

Демон покосился на меня и прищурился.

– А ты угадай, – произнес он и довольно посмотрел на когти.

Взгляд стал внимательным и глубоким, словно зрит безмятежное течение реки.
– Вы действительно боретесь за каждую душу? – спросила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.